

616.8 / П-580

Попов Н.М.

Современная эпидемия
школьных самоубийств...

Д-ръ Н. М. Поповъ

Профессоръ Новороссійскаго Университета.

№

~~11239~~

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИДЕМИЯ

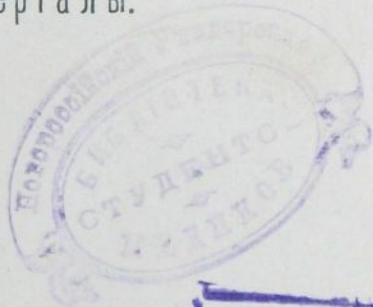
ШКОЛЬНЫХЪ САМОУБИЙСТВЪ

ВЪ РОССІИ.

2012

Клиническіе матеріалы.

2-1578
1952 г.

1972

ИНВЕНТАР

№ 9728

КАЗАНЬ

Типо-литографія Императорскаго Университета

1911.

616.8

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Редакторы Н. А. Миславскій и В. П. Осиповъ.

2012

ПЕРЕСЫЛК

Отдѣльный оттискъ изъ Неврологическаго Вѣстника, т. XVIII, вып. 2.

СОВРЕМЕННАЯ ЭПИДЕМИЯ ШКОЛЬНЫХЪ
САМОУБИЙСТВЪ ВЪ РОССИИ.

Въ Петербургѣ:
у Губернаторскаго
Печатнаго Дѣла.

(Посвящается М. Н. Поповой).

I.

Самоубійство—явленіе глубоко ненормальное. Вотъ почему каждый случай его невольно останавливаетъ на себѣ общее вниманіе даже въ наше время, когда жизнь человѣка такъ низко упала въ цѣнѣ. Но если только что сказанное справедливо по отношенію къ самоубійству вообще, тѣмъ болѣе оно имѣетъ значеніе, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ. Дѣйствительно, мы еще можемъ понять, какъ взрослый человѣкъ, поставленный въ тяжелыя жизненныя условія, теряетъ всякую вѣру въ лучшее будущее и, не видя иного исхода, прибѣгаетъ къ самоубійству. Но вѣдь дѣти, казалось бы, находятъ совсѣмъ въ другомъ положеніи: еще свободныя отъ всей тяжести борьбы за существованіе, по самой природѣ подвижныя, живыя, а потому мало способныя останавливать долго свое вниманіе на какомъ-либо безотрадномъ явленіи, они не должны были бы стремиться къ добровольной смерти, если только въ ихъ психо-нервной организаціи не произошло глубокихъ измѣненій, если ихъ не поразило душевное страданіе. Но дѣтскіе психозы наблюдаются сравнительно рѣдко, а между тѣмъ статистика категорически свидѣтельствуетъ, что число самоубійствъ среди дѣтей во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ возрастаетъ съ поразительной быстротой, не-

меньшей чѣмъ та, съ какой случаи добровольнаго лишенія жизни учащаются среди взрослого населенія.

Въ Германіи за періодъ времени съ 1874 по 1878 годъ число самоубійствъ въ раннемъ возрастѣ (до 21-го года) увеличилось со 193 до 295 ¹⁾. По *Manheim*'у до пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія случаи дѣтскаго самоубійства во Франціи являлись рѣдкимъ исключеніемъ; съ указаннаго времени они значительно участились: въ 1881 г. насчитывался уже 61 случай, а въ 1895—90 ²⁾. За эти же годы во Франціи стали чаще наблюдаться и самоубійства среди юношей: въ 1881-мъ году 303 случая, въ 1895-мъ—450 ³⁾.

Ireland и *Schuttleworth* ⁴⁾ также указываютъ для Англіи увеличеніе числа самоубійствъ вообще и въ дѣтскомъ возрастѣ въ частности. Вотъ приводимыя ими цифры: въ десятилѣтіе съ 1861 г.—70 г. на одинъ милліонъ жителей приходилось 133 случая самоубійства, въ томъ числѣ 64 у дѣтей моложе 15 лѣтъ. Для десятилѣтія 1881 г.—90 г. эти цифры измѣнились: на одинъ милліонъ жителей приходилось уже 155 случаевъ самоубійства, изъ нихъ 96—у дѣтей до 15 лѣтъ.

Въ Пруссіи въ пятилѣтіе съ 1869 г. по 1873 г. приходился одинъ случай самоубійства у дѣтей моложе 15 лѣтъ на 666022 жителя, въ пятилѣтіе съ 1894 г. по 1898 г.—одинъ случай уже на 497815. Такое увеличеніе станетъ еще болѣе нагляднымъ, если мы возьмемъ отношеніе числа самоубійць въ числу всѣхъ дѣтей того же возраста (моложе 15 лѣтъ); мы получимъ тогда, что въ 1871-мъ году на 100000 дѣтей насчитывалось 1,2 самоубійства, въ 1898—2.

Въ странахъ, гдѣ всеобщее обученіе является обязательнымъ, гдѣ ребенокъ, достигшій извѣстнаго возраста, неиз-

---

¹⁾ *V. Oettinger*. Die Moralstatistic und ihre Bedeutung für die Sociologie. Erlangen. 1882.

²⁾ Les troubles mentaux de l'enfance. Paris. 1899.

³⁾ *Périer*, Le suicide chez l'enfant. Annales de médecine et de chirurgie infantile. 1899.

⁴⁾ Цит. по *A. Baer*'у. Der Selbstmord im kindlichen Lebensalter. 1901.

бѣжно становится школьникомъ, тамъ приведенныя выше цифры главнымъ образомъ относятся къ дѣтямъ, получающимъ образованіе. Иное мы имѣемъ въ Россіи. У насъ только часть дѣтей поступаетъ въ учебныя заведенія, почему и статистическія данныя о самоубійствѣ въ школѣ и въ дѣтскомъ возрастѣ вообще, конечно, могутъ не совпадать. Проф. Хлопинъ⁵⁾, занявшись вопросомъ о самоубійствѣ среди учащихся и пользуясь официальными свѣдѣніями, пришелъ къ выводу, что и въ Россіи на подобіе западныхъ странъ школьныя самоубійства имѣютъ грозную тенденцію къ прогрессивному учащенію; въ низшихъ школахъ, правда, они представляютъ исключительно рѣдкое явленіе, но въ средней мужской школѣ встрѣчаются относительно часто и здѣсь именно стремленіе къ быстрому прогрессу выступаетъ особенно рельефно: самоубійства за трехлѣтіе съ 1883 по 1885 г. относятся къ самоубійствамъ за трехлѣтіе съ 1901 по 1903—какъ 3 : 5. Среднія женскія школы даютъ сравнительно меньшій процентъ самоубійць, но въ высшихъ школахъ этотъ процентъ для обоихъ половъ опять рѣзко повышается.

Цифровыя данныя, какими располагалъ проф. Хлопинъ, заканчиваются 1892 годомъ. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ статистическихъ свѣдѣній за позднѣйшее время. Врядъ ли однако можно сомнѣваться въ томъ, что именно за это время самоубійства среди учащихся участились въ особенно грозныхъ размѣрахъ. Страницы текущей печати за послѣдніе три года буквально пестрѣютъ описаніями подобныхъ случаевъ, при чемъ сразу кидается въ глаза, что по времени они распредѣляются крайне неравномѣрно: то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы не встрѣчаемъ ни одного, то они появляются цѣлыми серіями, производя впечатлѣніе какой-то своеобразной эпидеміи. Эта страшная эпидемія настолько затрагиваетъ самые основные интересы общества, такъ грозитъ

---

⁵⁾ Самоубійства, покушенія на самоубійство и несчастные случаи среди учащихся русскихъ учебныхъ заведеній. 1906.

всему его будущему, что у каждого даже малодумчиваго наблюдателя невольно рождается вопросъ, какія же причины ее вызываютъ, почему у дѣтей нынѣ такъ часто гаснетъ инстинктъ самосохраненія?

II.

Благодаря любезности профессора *А. И. Щербакова*, которому приношу здѣсь глубокую благодарность, въ мое распоряженіе были доставлены всѣ свѣдѣнія, собранныя о случаяхъ самоубійства и покушенія на него среди учащихся низшихъ и среднихъ школъ въ одномъ изъ учебныхъ округовъ. Эти свѣдѣнія захватываютъ періодъ времени съ мая 1908 г. по октябрь 1910 г. Всего зарегистрировано 70 случаевъ, которые по годамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 1908-мъ г.—15, въ 1909—27, въ 1910-мъ—28. По поводу каждого случая самоубійства было произведено возможно подробное разслѣдованіе, собирались данныя отъ начальствующихъ лицъ, иногда удавалось получать свѣдѣнія отъ родныхъ, товарищей и знакомыхъ. На основаніи этого фактическаго матеріала я старался выяснить душевное состояніе самоубійцы, возсоздать ту драму, которая привела ихъ къ мысли наложить на себя руку. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію отдѣльныхъ случаевъ я долженъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ матеріала, какимъ мнѣ пришлось пользоваться.

Чаще всего разслѣдованіе затрагивало по преимуществу внѣшнюю сторону событія, которое описывалось съ бѣльшей или мѣньшей подробностью; о предполагаемыхъ мотивахъ упоминалось въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. Замѣчательно, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда самоубійцей являлось лицо, пробывшее въ школѣ нѣсколько лѣтъ, нерѣдко съ ранняго дѣтства, когда, слѣдовательно, педагогическому

совѣту были хорошо извѣстны всѣ стадіи его развитія, характеристика учащаго давалась очень неясная, даже отсутствовала совершенно. Самыя свѣдѣнія иногда доставлялись безъ достаточной провѣрки, иногда, напротивъ, въ нихъ чувствовалась крайняя осторожность, какая то недоговоренность. Нерѣдки случаи, когда эти свѣдѣнія были до того неполны, что являлось рѣшительно невозможнымъ строить на нихъ сколько-нибудь опредѣленный выводъ.

Несмотря однако на всѣ недостатки моего матеріала, я постараюсь въ послѣдующемъ изложеніи дать возможно объективное описаніе каждаго случая въ отдѣльности, какъ бы кратко оно ни было, оцѣнить болѣе или менѣе твердо установленные факты и на основаніи ихъ анализа дать характеристику психической личности самоубійцы и указать мотивы, приведшіе его къ роковому рѣшенію.

І. А. М. 18 лѣтъ, ученикъ VI-го класса гимназіи, 3-го мая 1908-го г., покушаясь на самоубійство, нанесъ себѣ легкую рану изъ огнестрѣльнаго оружія.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній видно, что М. происходитъ изъ очень бѣдной семьи; обладая слабыми способностями, онъ учился плохо, а между тѣмъ, по природѣ нервный и впечатлительный, отличался крайне болѣзненнымъ самолюбіемъ. Покушеніе, какъ заявили родные, было вызвано оставленіемъ въ классѣ на второй годъ и опасеніемъ, что въ виду тяжелыхъ матеріальныхъ условій дальнѣйшее образованіе для него окажется невозможнымъ.

Таковы вератцѣ факты, установленные разслѣдованіемъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя одинъ—юноша былъ по природѣ нервный и впечатлительный. Мы не знаемъ, откуда такая нервность, была ли она получена цѣликомъ по наслѣдству или развилась также благодаря тяжелымъ условіямъ личной жизни, или быть можетъ, что вѣрнѣе, тутъ имѣли вліяніе оба названные момента, но какова бы ни была по своему происхожденію эта нервность, она выражалась

между прочимъ крайней впечатлительностью. При слабыхъ способностяхъ М. учение ему давалось плохо; его болѣзненное самолюбіе постоянно получало уколы, которые, конечно, дѣлали его еще болѣе нервнымъ. Наконецъ, юноша былъ оставленъ на второй годъ; этотъ фактъ самъ по себѣ крайне непріятный для каждаго ученика, для М. былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что онъ сознавалъ матеріальную необеспеченность семьи, понималъ, какимъ бременемъ ложится на его родныхъ каждый годъ его учения. Имѣлъ ли М. достаточно оснований бояться, что ему невозможно будетъ продолжать учение, или въ этой боязни сказалось уже болѣзненное свойство видѣть все въ черезчуръ мрачномъ свѣтѣ, трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ однако спокойный, уравновѣшенный человѣкъ нашелъ бы иной выходъ изъ создавшагося затруднительнаго положенія, но для М., въ силу указанныхъ выше причинъ, это было невозможно, и вскорѣ послѣ того, какъ онъ узналъ о печальномъ фактѣ, онъ сдѣлалъ попытку лишить себя жизни.

И. Л. У. 16 лѣтъ, ученикъ III-го класса городского училища, 5-го мая 1908-го г. выпилъ съ цѣлью самоубійства растворъ карболовой кислоты и вскорѣ скончался.

У. въ теченіе года учился плохо, но весной началъ было усиленно готовиться къ экзаменамъ, какъ вдругъ неожиданно для себя узналъ, что вмѣстѣ съ другими неуспѣвающими учениками не будетъ въ немъ допущенъ. Это извѣстіе такъ поразило его, что онъ, никого не предупредивъ, покончилъ съ собой и только въ оставленной товарищу запискѣ далъ ему порученіе отомстить двумъ учителямъ.

Разслѣдованіемъ была подробно установлена лишь внѣшняя сторона событія. Мы не имѣемъ никакихъ указаній на характеръ У., на причины его малой успѣшности, на положеніе его въ семьѣ, а потому и не можемъ сказать, отчего такъ тяжело реагировалъ У. на постигшую его неудачу. Для

правильнаго пониманія самаго событія необходимо имѣть въ виду, что до того времени къ экзаменамъ допускали всѣхъ учениковъ безъ исключенія, и естественно, что У. еще имѣлъ надежду, усердно работая, сдать ихъ болѣе или менѣе успѣшно. Не предупредивъ заранѣе, педагогическій совѣтъ училища принялъ указавшую выше мѣру и тѣмъ повидимому далъ непосредственный толчекъ къ катастрофѣ.

III. П. О. ученикъ V-го класса механо-техническаго училища, 25-го мая 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній видно, что мать покойнаго страдала какими-то сердечными припадками нервного происхожденія; одна сестра три года тому назадъ, будучи 16 лѣтъ отъ роду, покушалась на самоубійство, другая—больна хореей. О здоровіи, характерѣ и способностяхъ самаго юноши мы ничего не знаемъ; извѣстно только, что во II-мъ и IV-мъ классахъ онъ оставался по 2 года. 5-го мая постановленіемъ педагогическаго совѣта за малоуспѣшность онъ былъ также оставленъ на 2-ой годъ и въ пятомъ классѣ.

Въ виду крайней недостаточности собранныхъ свѣдѣній трудно высказаться съ должной опредѣленностью о причинахъ самоубійства. Тотъ фактъ однако, что старшая сестра дѣлала попытку лишить себя жизни, а другая сестра и мать—нервнобольны, этотъ фактъ указываетъ на слабость психо-нервной организаціи, присущую вообще всѣмъ членамъ семьи. Обладая болѣзненной впечатлительностью, юноша, конечно, могъ тяжело реагировать на школьную неудачу, тѣмъ болѣе, что ему было вѣроятно уже 16—17 лѣтъ, т. е. онъ, съ одной стороны, переживалъ періодъ pubertatis, когда неустойчивость психическаго равновѣсія выступаетъ особенно рѣзко, а съ другой—былъ уже въ состояніи серьезнѣе отнестись ко всѣмъ неприятымъ послѣдствіямъ постигшаго его несчастья.

IV. П. С. 19 лѣтъ, ученикъ VI-го класса реального училища, 27-го іюня 1908-го г. покончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись изъ револьвера.

Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что С. жилъ въ очень тяжелой семейной обстановкѣ: его мать вела разгульную жизнь, пьянствовала, ушла изъ дома, пьяная она на улицѣ часто оскорбляла встрѣчавшихся ей мужа и сына, была въ ихъ квартирѣ окна и подобными скандалами собирала цѣлыя толпы народа. Юноша отличался нервностью, страдалъ головными болями, часто пропускалъ уроки, въ VI-мъ классѣ по малоуспѣшности былъ оставленъ на второй годъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ онъ говоритъ, что въ его смерти виновна одна мать:

«Она меня позорила всю мою жизнь и, наконецъ, не даетъ мнѣ окончить намѣченнаго пути. Впереди позоръ!»

Изъ выше изложеннаго ясно, что главной причиной катастрофы явились неблагоприятныя условія семейной жизни, тяжело отзывавшіяся на нервномъ юношѣ, который стыдился своей матери и по болѣзненной впечатлительности нашелъ только одно средство уйти отъ позора—покончить съ собой.

V. П. З. ученикъ V-го класса гимназіи, въ ночь на 26-ое августа 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Никакихъ свѣдѣній о семьѣ З. мы не имѣемъ. Начальство гимназіи аттестуетъ его, какъ субъекта очень вспыльчиваго, крайне самолюбиваго, но обладающаго посредственными способностями. Въ первыхъ двухъ классахъ благодаря усиленному прилежанію покойный учился хорошо, затѣмъ сталъ замѣтно отставать отъ товарищей. Съ четвертаго класса З. началъ злоупотреблять спиртными напитками, такъ что неоднократно подвергался взыканіямъ за неприличное поведение въ общественномъ мѣстѣ. Родители, къ содѣйствію которыхъ обращался директоръ гимназіи, не могли или не умѣли удерживать сына. При переходѣ въ VI-ой классъ З. была

назначена переэкзаменовка, которую онъ не выдержалъ и вскорѣ затѣмъ застрѣлился.

З. сталъ отставать въ ученіи, пить и вести себя неприлично, повидимому, съ наступленіемъ возраста *pubertatis*, тогда какъ ранѣе учился хорошо, отличался примѣрнымъ поведеніемъ и ничѣмъ не выдѣлялся среди остальныхъ товарищей. Подобныя крутыя перемены, совпадающія съ указаннымъ періодомъ жизни, обыкновенно наблюдаются у субъектовъ невротическихъ отъ рожденія. Вспыльчивость характера также является указаніемъ на психическую дегенерацию. Непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству могла явиться неудача на экзаменѣ, какъ и всякая другая жизненная невзгода, которую дегенеративныя лица переносятъ всегда крайне тяжело.

VI. А. Ш. ученица VI-го класса гимназіи, 4-го сент. 1908-го г. пыталась отравиться карболовой кислотой; по оказаніи медицинской помощи оправилась.

Причиной покушенія явилась недавняя смерть матери и отсутствіе средствъ къ жизни. Никакихъ данныхъ для характеристики дѣвушки мы не имѣемъ.

VII. С. Д. 17 лѣтъ, ученикъ VIII-го класса гимназіи, 7-го окт. 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Д. трехлѣтнимъ ребенкомъ остался безъ отца; его воспитывала нѣжно любящая и безгранично баловавшая мать. Въ гимназіи до 1905—6-го года онъ учился хорошо, обнаруживая недюжинныя способности, отличаясь безукоризненнымъ поведеніемъ; съ этого же времени сталъ небрежно относиться къ урокамъ и вести, по выраженію директора, неодобрительный образъ жизни. Начальство гимназіи нѣсколько разъ обращалось къ матери по поводу происшедшей перемены, но та, какъ могла, покрывала сына. Въ послѣдній годъ юноша относился особенно странно къ своимъ занятіямъ, напр., безъ ви-

димой причины опаздывалъ даже на экзамены и держалъ ихъ только на другой день, впрочемъ, весьма успѣшно. Въ день самоубійства онъ былъ веселѣе обычнаго, отвѣчалъ урочъ, за часъ до катастрофы спрашивалъ товарищей, стоитъ ли жить и въ чемъ смыслъ жизни. Никакихъ непосредственныхъ непріятностей у Д. не было, неизвѣстно ничего о нихъ и въ домашней жизни. Врачъ гимназіи заявилъ, что Д. въ послѣдній годъ неоднократно впадалъ въ угнетенное состояніе, причемъ переставалъ интересоваться какъ занятіями, такъ и вообще всѣмъ окружающимъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ повидимому о невропатическомъ субъектѣ, который вдобавокъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни находился въ условіяхъ крайне неблагоприятныхъ для правильного развитія: безграничное баловство матери не только препятствовало выработкѣ твердаго характера въ вѣжномъ возрастѣ, но и позднѣе во многомъ парализовало вліяніе школьной дисциплины. Бурное общественное движеніе, охватившее и среднюю школу, застало Д. въ періодѣ *pubertatis*, т. е. какъ разъ тогда, когда психическій организмъ представляется особенно хрупкимъ. Отсюда рѣзкое измѣненіе въ успѣхахъ и поведеніи, странное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, колебанія въ настроеніи, быть можетъ недостаточно мотивированныя. Попытки къ самоубійству на этой почвѣ легко возможны и безъ ясно выраженного психоза; онѣ иногда наблюдаются у подобныхъ субъектовъ подъ вліяніемъ мимолетнаго настроенія и не всегда нуждаются во внѣшнемъ поводѣ.

VIII. В. X. ученикъ V-го класса гимназіи, 13-го окт. 1908-г. г. во время урока покушался на самоубійство, пытаясь выстрѣлить въ себя изъ револьвера, но былъ во время остановленъ.

Дѣла семьи, изъ которой происходитъ X., прежде зажиточной, въ послѣднее время сильно пошатнулись; юноша жилъ на средства старшаго брата, гимназиста VII-го класса,

дававшего уроки и очень тяготился своей матеріальной зависимостью, тѣмъ болѣе что братъ иногда дѣлалъ ему рѣзкіе выговоры за плохія отмѣтки. Директоръ гимназіи аттестуетъ Х. какъ человѣка безхарактернаго, склоннаго къ лѣни и мало развитаго, въ послѣдніе годы подпавшаго вліянію дурныхъ товарищей, что не замедлило явно отразиться на его поведеніи и успѣхахъ.

Передъ самой попыткой Х., рѣшая въ классѣ письменную задачу, внезапно заявилъ, что голова его не работаетъ и выбѣжалъ изъ класса. За нимъ послѣдовалъ одинъ изъ товарищей, замѣтившій возбужденное состояніе своего пріятеля и боявшійся оставить его одного. На другой день Х. снова явился въ гимназію также очень возбужденный, размахивая большимъ ножомъ, который едва удалось отнять. Необходимо добавить, что въ этой же гимназіи за 6 дней до покушенія Х. произошло самоубійство Д., описанное выше.

Здѣсь имѣется дѣло съ безусловно болѣзненнымъ состояніемъ. Мы не знаемъ почвы, на какой оно развилось, но семейныя условія и тяжелое матеріальное положеніе должны были оказывать глубокое вліяніе на безхарактернаго впечатлительнаго юношу. Непосредственнымъ толчкомъ, нарушившимъ психическое равновѣсіе, явилась повидимому ссора съ братомъ, котораго Х. при объясненіи съ директоромъ просилъ даже не пускать къ себѣ на глаза. Недавнее самоубійство товарища также должно было оказать свое вліяніе: Х. пережилъ сильное душевное волненіе, съ одной стороны, имѣлъ наглядный примѣръ, какимъ способомъ можно выйти изъ самага запутаннаго положенія—съ другой.

IX. О. Я. ученица VII-го класса гимназіи, 23-го окт. 1908-го г. съ цѣлью самоубійства выпила нашатырнаго спирта, но оправилась.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта, видно, что Я. происходитъ изъ очень бѣдной семьи, отличалась прилежаніемъ, но оказывала плохіе успѣхи; свои неудовлетворительныя отмѣтки въ послѣднее время она

скрывала отъ родныхъ, видимо избѣгая упрековъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она опасалась, что малоуспѣшность явится причиной неосвобожденія ея отъ платы, что въ свою очередь грозило удаленіемъ изъ гимназіи. По заявленію гимназическаго врача Я. страдала малокровіемъ и обладала раздражительной нервной системой. Въ оставленной запискѣ она говоритъ:

«Милые мои друзья, доброжелатели, не удивляйтесь моему самоубійству. Жизнь для меня была невыносима!. Последняя моя просьба: похороните меня отъ С. К. (квартирная хозяйка у которой Я. жила). Цѣлую, обнимаю всѣхъ крѣпко, крѣпко... Теперь я никому въ тягость не буду!»

Въ послѣднихъ словахъ письма заключается ясный намекъ на тяжелое положеніе дѣвушки въ семьѣ, гдѣ по поводу плохихъ успѣховъ ей приходилось выносить много непріятностей и попрековъ, тѣмъ сильнѣе дѣйствовавшихъ на Я., что она отличалась повышенной впечатлительностью. Усидчиво работая, Я. тѣмъ не менѣе училась плохо, что по всей вѣроятности зависѣло отъ недостатка способностей. Умственное утомленіе, связанное съ душевными волненіями при неудачахъ, тяжелая нравственная атмосфера въ семьѣ, матеріальныя лишенія, еще болѣе чувствительныя вслѣдствіе дурного отношенія родныхъ—все это могло сломить и болѣе устойчивую психо-нервную организацію, чѣмъ та, какой обладала еще не вполне сложившаяся дѣвушка. Отсюда ея крайне повышенная впечатлительность, ея быть можетъ чрезмѣрная чуткость къ обидамъ и оскорбленіямъ, общее недовольство жизнью, которою она тяготилась. На этой почвѣ даже мелкая непріятность легко могла явиться послѣдней каплей, переполнившей чашу.

Х. П. Ш. 14 лѣтъ, ученикъ IV класса гимназіи, 23-го октября 1908-го г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

Ш. происходитъ изъ очень бѣдной семьи, мать—женщина нервная, строго обращалась съ дѣтьми; старшій братъ по малоуспѣшности долженъ былъ выйти изъ V-го класса.

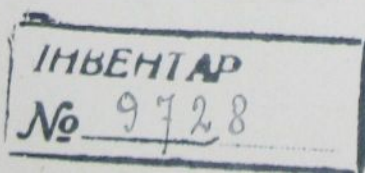
гимназіи. III. мальчикъ по природѣ тихій, скромный, учился очень прилежно, но, обладая плохими способностями, оказывалъ слабые успѣхи, почему часто подвергался взысканіямъ со стороны матери. Свою попытку къ самоубійству онъ объяснилъ тѣмъ, что ему были выставлены въ тетради дурныя отмѣтки, которыя онъ боялся показать дома.

Приведенныя свѣдѣнія несмотря на краткость обрисовываютъ намъ дѣло достаточно ярко: мало способному мальчику среднее [образование было не по силамъ и онъ при всемъ своемъ стараніи получалъ дурныя баллы; мать, совершенно игнорируя причины неуспѣшности, требовала удовлетворительныхъ отмѣтокъ; поставленный въ безвыходное положеніе, робкій, запуганный III. прибѣгнулъ къ самоубійству.

XI. М. Н. 15 лѣтъ, ученикъ III-го класса гимназіи, 5-го ноября 1908-го г. сдѣлалъ попытку отравиться нашатырнымъ спиртомъ; поправился.

Семья М. крайне бѣдствуетъ въ матеріальномъ отношеніи; отецъ очень строго относится къ сыну, но почти никогда не бываетъ дома, такъ что мальчикъ, предоставленный самому себѣ, жилъ безъ надлежащаго надзора и приобрѣлъ всѣ дурныя привычки уличнаго подростка. Обладая способностями ниже среднихъ, недостаточно прилежный М. учился плохо; передъ самой попыткой онъ получилъ первую четверть съ неудовлетворительными отмѣтками и четверкой въ поведеніи. Разслѣдованіе показало, что еще за нѣсколько дней М. говорилъ товарищамъ, что отравится, если получить плохую четверть, справлялся у нихъ о противоядіяхъ. Преподаватели заявили, что послѣ дурныхъ отмѣтокъ съ нимъ иногда бывали какъ бы истерическіе припадки, которые производили впечатлѣніе притворныхъ.

Судя по приведеннымъ фактамъ можно думать, что М.— мальчикъ очень болѣзненный, съ неустойчивымъ психическимъ равновѣсіемъ: онъ плачетъ въ классѣ, не стѣняясь окружающей обстановкой; у него случаются истерическіе припадки. У подобныхъ субъектовъ весьма легко можетъ возник-

нуть мысль о самоубійствѣ, а самое покушеніе, какъ это обычно у истеричныхъ, производится съ большей или меньшей демонстративностью, почему и напоминаетъ симуляцію.

XII. А. Т. 16 лѣтъ, ученикъ VII-го класса гимназіи, 17-го ноября 1908-го года отравился уксусной кислотой; на другой день скончался.

Т. росъ при очень неблагоприятныхъ условіяхъ: родители постоянно ссорились между собой и свое дурное настроеніе переносили на дѣтей. Старшій братъ, студентъ, за пять дней до самоубійства А. застрѣлился изъ револьвера вслѣдствіе несчастной любви, по мнѣнію родителей, благодаря семейнымъ ссорамъ, по заявленію постороннихъ. А. отличался крайней впечатлительностью, находился всегда подъ сильнымъ вліяніемъ старшаго брата; обладая большими способностями, онъ учился хорошо. Катастрофа застигла его въ періодъ усиленнаго роста и интенсивнаго физическаго развитія.

Мы не знаемъ, почему такъ дурно сложилась семейная жизнь А., зависѣла ли она отъ болѣзненности родителей или случайныхъ условій, но одно безспорно—она должна была рѣзко отражаться на дѣтяхъ. Недаромъ директоръ гимназіи отмѣчаетъ А., какъ мальчика съ мрачнымъ, необщительнымъ характеромъ; недаромъ его чрезмѣрная впечатлительность кидалась въ глаза даже постороннимъ. Въ періодѣ pubertatis всѣ болѣзненные черты характера выражаются съ особенной рѣзкостью и какъ разъ въ этомъ періодѣ у А. происходитъ несчастіе—старшій братъ, самый близкій ему человѣкъ, лишаетъ себя жизни. Потрясенный такимъ несчастьемъ, потерявъ единственную опору въ жизни, не видя ничего отраднаго кругомъ, юноша рѣшилъ послѣдовать примѣру брата.

XIII. I. B. 15 лѣтъ, ученикъ городского училища, 1-го декабря 1908-го года съ цѣлью самоубійства отравился растворомъ ѣдкой соды; черезъ двѣ недѣли скончался.

Обстоятельства этого событія остались совершенно невыясненными. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о семьѣ покойнаго, ни о немъ самомъ. На всѣ разспросы, обращенные къ Б. онъ отвѣчалъ: „я такъ хотѣлъ“. Администрація училища категорически заявила, что въ школьной жизни у Б. не было никакихъ поводовъ къ самоубійству.

XIV. А. Д. 16 лѣтъ, ученикъ VIII-го класса гимназіи, 3-го декабря 1908-го г. сдѣлалъ попытку отравиться нашатырнымъ спиртомъ.

Д. происходитъ изъ психопатической семьи; отецъ, — человекъ слабохарактерный и нервный дурно вліялъ на сына. Послѣдній любилъ свою мать, но иногда, подражая отцу, отзывался о ней грубо, даже цинично. Раздоръ въ семьѣ вообще сильно тяготилъ мальчика и тяжело на немъ отзывался. По характеру своему онъ былъ человекъ впечатлительный, обладалъ извѣстными способностями, увлекался чтеніемъ современныхъ авторовъ и считалъ себя головой выше товарищей. Непосредственнаго повода къ покушенію открыть не удалось; быть можетъ его и не было; сознаніе одиночества среди товарищей, пессимистическое направленіе современной литературы, наконецъ, условія семейной жизни — все это легко могло вызвать подавленное настроеніе и мысль покончить съ собой. Подготовка къ самоубійству не лишена нѣкоторой аффектаціи, рисовки: Д. не скрывалъ задуманнаго отъ товарищей, передалъ имъ письмо съ просьбой оказать послѣднюю товарищескую услугу, откровенничалъ даже съ инспекторомъ. Видя, что за нимъ слѣдятъ, Д. тѣмъ не менѣе идетъ во время перемены въ ближайшую аптеку, покупаетъ нашатырнаго спирта и направляется къ бульвару, гдѣ послѣ нѣкоторой борьбы у него отнимаютъ ядъ. Мальчика отправили къ матери, которой удалось успокоить его и удержать при себѣ.

Трудно высказаться, была ли попытка вполне серьезна. Однако нельзя забывать, что истерическія свойства характера часто присущи невропатическимъ субъектамъ, особенно въ ранней молодости и дѣтствѣ.

XV. Б. С. ученикъ VIII-го класса гимназіи, 8-го декабря 1908-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Отець С., человекъ неуравновѣшенный, очень строго обращался съ сыномъ, который, избѣгая наказаній, иногда по цѣлымъ днямъ скрывался изъ дому; тѣмъ не менѣе юноша отличался веселымъ характеромъ, пользовался общей любовью товарищей и никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣлъ. Передъ покушеніемъ Д., о которомъ только что сказано выше, С. долго слѣдилъ за нимъ, какъ одинъ изъ близкихъ пріятелей, уговаривалъ бросить мысль о самоубійствѣ, отнималъ у него ядъ. Но какъ въ это время, такъ и непосредственно послѣ, онъ относился къ поступку товарища строго критически, съ порицаніемъ, называя „глупымъ, мальчишескимъ“. Настроеніе С. сразу измѣнилось за нѣсколько часовъ до катастрофы: онъ сдѣлался мрачнымъ, на заботливые разспросы матери отвѣчалъ, что ему нездоровится. Несмотря на все стараніе окружающіе не могли его развлечь; задумчивымъ онъ оставался весь вечеръ, проведя его съ гостями, а когда послѣдніе разошлись, выстрѣлилъ себѣ въ голову. Отцу онъ оставилъ записку, въ которой проситъ уплатить его мелкіе долги, указываетъ, гдѣ родители могутъ получить его фотографическую карточку и заканчиваетъ ее словами: „какъ не хочется умирать, а жить нельзя“. Родители склонны объяснить катастрофу попыткой Д. къ отравленію. Врачъ гимназіи допускаетъ внезапное появленіе бредовой идеи и дурное вліяніе сочиненій Л. Андреева.

Со всѣми этими объясненіями врядъ ли можно согласиться. Современная литература, конечно, оказываетъ неблагоприятное вліяніе на неуравновѣшенныхъ лицъ; пессимистическое настроеніе товарища также должно было сильно дѣйствовать на впечатлительнаго юношу. Но всѣ окружающіе единогласно указываютъ, что обычное жизнерадостное и веселое настроеніе не покидало самоубійцу до послѣдняго дня жизни. Трудно допустить со стороны еще мальчика такую выдержку, такое самообладаніе, которое позволило бы ему столь успѣшно скрывать свое настроеніе. Предположеніе врача

о внезапной бредовой идеѣ является совершенно непонятнымъ: бредовая идея можетъ возникнуть только у душевно-больного человѣка, а самъ же врачъ признаетъ С. вполне нормальнымъ. Нельзя думать также и о навязчивой идеѣ, покорившей волю юноши; навязчивыя идеи развиваются на почвѣ дегенерациі, которая должна проявиться еще и другими симптомами; сверхъ того при навязчивой идеѣ обычно происходитъ болѣе или менѣе продолжительная борьба, прежде чѣмъ эта идея приводится въ исполненіе. Всего вѣроятнѣе, что у С. былъ какой-то внѣшній поводъ покончить съ собой, а отношеніе отца даетъ право думать, что его слѣдуетъ искать въ условіяхъ домашней жизни. Предшествовавшая попытка товарища, конечно, усилила впечатлительность С. и вмѣстѣ съ тѣмъ могла облегчить появленіе мысли о самоубійствѣ, какъ удобнѣйшемъ способѣ выйти изъ тяжелаго положенія.

XVI. В. Х. 14 лѣтъ, ученица II-го класса гимназій, 19-го января 1909 года отравилась карболовою кислотой и, не приходя въ сознаніе, скончалась.

Х. отличалась замкнутымъ, самолюбивымъ характеромъ, училась хорошо. Въ поведеніи ея на первомъ урокѣ 19-го января не было замѣчено ничего ненормальнаго; ядъ она принесла съ собой изъ дому въ карманѣ пальто и выпила его во время первой перемѣны, отпросившись для того у классной надзирательницы въ гардеробную, чтобы взять перо, будто бы позабытое въ верхнемъ платѣ. Въ классной скамьѣ между учебниками покойной была найдена записка, адресованная подругѣ, слѣдующаго содержанія:

«М! я скоро умру и должна попрощаться съ Вавочкой! Вы мнѣ не хотите сдѣлать этой пустой услуги послѣдней».

Причина самоубійства осталась невыясненной.

Этими подробностями исчерпывается все оффиціальное описаніе происшествія. Мы не находимъ въ немъ никакихъ указаній на семью покойной, не видимъ подробной характе-

ристики дѣвочки, которая между тѣмъ училась въ гимназiи съ приготовительнаго класса, слѣдовательно, росла и развивалась на глазахъ педагогическаго персонала; остаются также неизвѣстными отношенiя ея къ подругамъ и роднымъ. И если бы не письма, найденныя въ карманѣ покойной и попавшія въ мѣстную прессу, то у насъ не было бы никакихъ данныхъ для выясненiя душевнаго состоянiя, приведшаго Х. къ самоубійству.

Вотъ эти письма:

«Прощайте всѣ мои ближніе! Смерть моя есть мое сознаніе. Я вѣрю, что я или совершенно умру, т. е. потеряю сознаніе, или же будетъ лучшая загробная жизнь. Эта жизнь мнѣ представляется въ такомъ лучезарномъ, радужномъ свѣтѣ, что я должна ей уступить. Если же смертью совершенно исчезнетъ сознаніе, то лучше, чтобы это было скорѣе. Я цѣлую всѣхъ моихъ близкихъ, но въ особенности мамочку, которая для меня дороже всего въ мірѣ, потомъ Е. П. К., которую послѣ мамы люблю больше всѣхъ. Наравнѣ съ нею я люблю Э. І. Б. Я цѣлую всѣхъ моихъ родныхъ и тѣхъ, кто мнѣ очень нравится и вообще всѣхъ близкихъ, а также всѣхъ животныхъ. Ближніе! Я люблю васъ всѣхъ безъ исключенiя, какъ училъ дорогой сердцу моему Иисусъ Христосъ. Ближніе! Простите мнѣ всѣ мои обиды! Не считайте меня въ ссорѣ съ вами тѣ, кто былъ со мною въ ссорѣ при жизни. Будьте всегда дружны и добры другъ къ другу. Помните, что тамъ наверху есть Господь Иисусъ! Ближніе! Я приду къ вамъ, если это будетъ возможно, не пугайтесь меня, если я явлюсь послѣ смерти. Цѣлую всѣхъ васъ крѣпко, дорогіе мои ближніе и всѣ животныя, Е. П., Э. І. и мамуся. В. Х.». «Никакого не вините въ моей смерти, мнѣ надоѣла земная жизнь съ ея тревогами, двойками и пятерками, любовь и, наконецъ, все! Похороните меня въ формѣ и, если можно, то вовсе не хороните».

«Когда я умру—обязательно снимите меня. Не думайте, что я мало думала о жизни и смерти. Не жалѣйте обо мнѣ, такъ какъ я счастлива».

Какъ большинство писемъ, оставляемыхъ самоубійцами, эти письма представляютъ большую цѣнность. Прежде всего ясно, что въ данномъ случаѣ авторомъ ихъ является еще ребенокъ, съ чисто дѣтскимъ отношенiемъ къ самымъ серьезнымъ явленiямъ жизни: „похороните меня въ формѣ“... „Когда я умру—обязательно снимите меня“. Отвлеченное мышленіе для Х. еще мало привычно; она еще не можетъ ясно выра-

зять свою мысль и потому облакаетъ ее въ мало понятную форму: „смерть моя есть мое сознаніе“. Но въ тоже время изъ письма видно, что въ дѣтскомъ умѣ уже возникли вопросы чуждые возрасту, вопросы, рѣшить которые сколько-нибудь правильно не въ состояніи ребенокъ, лишенный достаточнаго жизненнаго опыта и не обладающій извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ. Особенно здѣсь кидается въ глаза религіозное сомнѣніе: дѣвочка колеблется, есть загробная жизнь или нѣтъ, и въ самомъ началѣ письма допускаетъ ту и другую возможность. Потомъ сомнѣнія ея какъ бы исчезаютъ и весь дальнѣйшій тонъ письма строго религіозный, но непослѣдовательность все же даетъ себя знать: дѣвочка говоритъ, что Іисусъ Христосъ дорогъ ея сердцу, завѣщаетъ всѣмъ помнить, что наверху есть Господь, но сама забываетъ, какъ относится къ самоубійству христіанское вѣроученіе. Въ концѣ письма она заявляетъ, что ей надоѣла земная жизнь съ ея тревогами, двойками и пятерками, любовь и, наконецъ, все. Если ученицѣ надоѣли двойки и пятерки, то это еще понятно, но какимъ образомъ ребенку, не знающему жизни, надоѣла жизнь? Что такое „все,“ что надоѣло X? Какая эта любовь, которая надоѣла? Разумѣется, не любовь матери и родныхъ: вѣдь съ ними такъ нѣжно прощается покойная. Безъ сомнѣнія хоть какіе-нибудь отвѣты на эти вопросы могли бы дать родные и по-други несчастной.

XVII. А. П. 16 лѣтъ, ученица VII-го класса гимназіи, 12-го февраля 1909-го года, покушаясь на самоубійство, выпила карболовой кислоты; скончалась.

У П. отца нѣтъ; дѣвочка жила съ матерью въ крайней бѣдности, училась удовлетворительно, хотя и не отличалась прилежаніемъ. Непосредственнымъ поводомъ къ отравленію была ссора съ матерью, требовавшей, чтобы дочь училась прилежнѣе.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, какими мы располагаемъ относительно этого случая. Мы не знаемъ ничего оздоровьи дѣвочки, о характерѣ ея, о положеніи ея въ семьѣ, а потому лишены возможности выяснить дѣйствительныя причины катастрофы.

XVIII. И. Б. 16 лѣтъ, ученикъ I-го класса городского училища, 15-го февраля 1909-го г. покончилъ жизнь самоубійствомъ черезъ повѣшеніе.

Въ собранныхъ свѣдѣніяхъ имѣются только указанія на малоуспѣшность въ занятіяхъ; но были ли они поводомъ къ самоубійству или здѣсь играли роль иные мотивы—мы не знаемъ.

XIX. М. Б. 16 лѣтъ, ученикъ V-го класса гимназіи, 25-го февраля 1909-го г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Въ день самоубійства Б. былъ на концертѣ извѣстнаго скрипача, возвратился домой въ 12 ч. ночи очень разстроеннымъ и, написавъ родителямъ записку съ просьбой никого не винить въ его смерти, т. е. жизнь ему надоѣла, застрѣлился.

Никакихъ свѣдѣній ни о личности покойнаго, ни объ его семьѣ мы не имѣемъ, поэтому представляется невозможнымъ сдѣлать какое-либо предположеніе о мотивахъ самоубійства. Трудно однако отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о крайне неуравновѣшенномъ, психопатическомъ субъектѣ.

XX. К. М. 21-го г., ученикъ VIII-го класса гимназіи, 10-го марта 1909-го года выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Изъ собранныхъ по этому дѣлу свѣдѣній видно, что М., обладая средними способностями, не отличался трудолюбіемъ, такъ что въ IV и VI-мъ классахъ оставался по два года. Въ VIII-мъ классѣ онъ также оказывалъ неудовлетворительные

успѣхи, почему директоръ гимназіи вызвалъ отца и предложилъ ему взять сына съ тѣмъ, чтобы тотъ приступилъ къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости въ качествѣ экстерна. Отецъ предпочелъ однако, чтобы сынъ снова остался на второй годъ. Это желаніе было исполнено. Юноша повидимому очень спокойно встрѣтилъ извѣстіе о такомъ рѣшеніи и согласился уѣхать домой вмѣстѣ съ отцомъ, сказавъ послѣднему, что только зайдетъ на свою квартиру приготовиться къ отъѣзду. Уходя, онъ тайкомъ взялъ съ собой отцовскій револьверъ. Вечеромъ его видѣли гуляющимъ съ двумя товарищами, которые, встрѣтивъ знакомаго офицера, представили ему М. и просили разрѣшенія провести вечеръ въ его квартирѣ. М. также согласился принять участіе въ пирушкѣ, но предупредилъ, что явится не ранѣе 11 часовъ. Дѣйствительно въ назначенное время онъ пришелъ и сейчасъ же, вынувъ изъ кармана заряженный револьверъ, просилъ хозяина его спрятать. Весь вечеръ М. казался очень веселымъ, рассказывалъ анекдоты, говорилъ, что остался по малоуспѣшности на второй годъ и что отецъ его хочетъ увезти домой, но онъ туда не поѣдетъ, а отправится къ знакомымъ въ О., гдѣ и проведетъ лѣто. Хотя хозяинъ квартиры совершенно не зналъ М., но послѣдній произвелъ на него впечатлѣніе „страннаго и нервнаго“. Уже поздней ночью гости стали расходиться, хотѣлъ уйти и М. и просилъ дать ему обратно револьверъ. Однако офицеръ, видя нѣкоторую возбужденность М. и объясняя ее излишне выпитымъ виномъ, оружія не возвратилъ, а уговорилъ своего гостя остаться на ночлегъ. М., послѣ неоднократныхъ попытокъ получить револьверъ, согласился и въ 4 часа ночи легъ спать. Утромъ отецъ М., узнавъ, гдѣ его сынъ, явился къ офицеру и просилъ вызвать юношу, чтобы ѣхать вмѣстѣ на вокзалъ. М. поспѣшно одѣлся, взялъ револьверъ, объяснивъ, что долженъ возвратитъ его и, выйдя въ сосѣднюю комнату, тутъ же почти на глазахъ отца застрѣлился. Въ карманѣ самоубійцы нашли письмо, адресованное отцу слѣдующаго содержанія: „Дорогіе родители, извините эту мою послѣднюю глупость, какую дѣлаю, но должно быть мнѣ было суждено всегда дѣлать глупости, почему и кончаю жизнь!“ Далѣе слѣдуетъ просьба уплатить долги всего на сумму 125 р., изъ нихъ 10 руб. извозчику.

Съ вѣшной стороны катастрофа описана очень обстоятельно; тѣмъ не менѣе причины ея остаются неясными. Мы не имѣемъ никакого понятія о семьѣ покойнаго, объ отношеніяхъ отца къ сыну. Гимназія, гдѣ М. учился 10 лѣтъ, не сообщила даже его характеристики, какой образъ жизни онъ велъ, почему оказался малоуспѣшнымъ. Долги покойнаго, довольно значительные для гимназиста, особенно десятирублевый долгъ извозчику, намекають на неправильный образъ жизни, который могъ имѣть неблагоприятное вліяніе на неокрѣпшую нервную систему, съ одной стороны, дурно отражаться на занятіяхъ съ другой.

XXI. Л. К. 15 лѣтъ, ученикъ VI-го класса городского училища, 6-го апрѣля 1909-го г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

Причины, вызвавшей покушеніе, установить не удалось. Мы не знаемъ ничего какъ о личности К., такъ и объ его семьѣ; условія школьной жизни также остались совершенно неизвѣстными. Такимъ образомъ у насъ вѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлать какое-либо предположеніе по поводу этого случая.

XXII. Ю. Р. 16 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 8-го апрѣля 1909-го года отравилась карболовой кислотой и, не приходя въ сознаніе, скончалась.

Въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ начальствомъ гимназіи, глухо указывается на семейныя обстоятельства, какъ на причину самоубійства. Въ комнатѣ покойной было найдено письмо, адресованное подругѣ, слѣдующаго содержанія:

«Дорогая моя, славная Роза! Только что пришла отъ тебя и когда просталась съ тобой, то знала, что прощаюсь уже навсегда. Какъ мнѣ было тяжело, моя хорошая дѣвочка! Мнѣ такъ не хотѣлось уходить отъ тебя. Но надо было. Я безумно хотѣла видѣть Оиму, но не могла найти ее; такъ уже видно обойдется. Роза! Я надѣюсь, что умру, но если меня спасуть, я не выдержу. Вотъ увидишь! Какое право они имѣють спасать меня отъ того, къ чему я стремлюсь. Вѣдь я никому вреда не приношу своей смертью, на-

оборотъ ... легче станетъ. Я не боюсь смерти, ничуть не боюсь! И жизни мнѣ не жаль. Жаль только расстаться съ близкими и съ природой. Вѣдь теперь наступаетъ лѣто, которое я такъ безумно люблю. Я мечтала такъ хорошо его провести, гдѣ-нибудь съ тобой на дачѣ, на берегу, но не то, видно! Боже мой! Роза! Что будетъ съ моей мамой. Вѣдь моя смерть нанесетъ ей такой ударъ, вѣдь съ ней будетъ что то ужасное, Господи, если бы кто-нибудь ее могъ утѣшить! Какъ больно мнѣ за нее! Но ты не сможешь— у тебя самой горе! Какъ жизнь сурова! Милая, дорогая моя! Ты себѣ представить не можешь, какъ ты мнѣ близка, какъ я къ тебѣ сильно привязана. Спасибо тебѣ, голубчикъ, за все хорошее, что ты мнѣ дала и чего мнѣ безъ тебя не доставало! Спасибо, прости за обиды! Вѣдь я всегда раскаивалась! Я знаю, что тебѣ будетъ тяжело, вѣдь я всегда вѣрила въ твою искренность, но что дѣлать! Я иначе не могу! Передай мой предсмертный привѣтъ нѣкоторымъ близкимъ знакомымъ и друзьямъ отъ моего имени. Перечислять ихъ лишнее. Прощай, дорогая, навсегда прощай. Твоя Ида. Боже! Я теперь живу, дышу, а завтра въ это время—гдѣ я буду! Роза! сожги эту бумажку и никому не показывай».

Изъ этого письма видно, какую тяжелую борьбу должна была пережить несчастная передъ своей смертью; ей не хотѣлось умирать, ей было тяжело расставаться съ близкими и родными, со всей природой; видимо нѣжно любящая дочь, она боится за свою мать, зная, въ какомъ та будетъ горѣ и тѣмъ не менѣе иначе поступить она не могла. Что же заставляло ее непременно наложить на себя руку? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно было бы дать только при томъ условіи, если бы намъ была извѣстна психическая личность Р. если бы мы располагали достаточными свѣдѣніями объ ея общественной, семейной и школьной жизни.

XXIII. И. П. Ученикъ IV-го класса городского училища, 15-го апрѣля 1909-го г. сдѣлалъ попытку отравиться искусственной эссенціей; поправился.

II. сынъ сапожника, отличался крайне дурнымъ поведениемъ: то на него поступала жалоба за избіеніе на улицѣ дѣвушки, то онъ попадался въ продажѣ учебныхъ книгъ въ мелочную лавочку; къ ученію относился небрежно, часто пропускалъ уроки, получалъ плохія отмѣтки; въ четвертомъ классѣ остался на второй годъ. 14-го апрѣля одинъ изъ учи-

телей пожаловался инспектору, что П. во время урока вбивалъ въ парту гвоздь. Подбѣжавшій П., прерывая учителя и возбужденно размахивая руками, старался представить дѣло въ иномъ видѣ. Инспекторъ, отстранивъ мальчика рукой, заявилъ ему, что не можетъ разговаривать съ лицомъ, которое не умѣетъ держать себя и приказалъ вызвать на другой день отца. (За П. накопилось уже много провинностей).

Послѣ слѣдующаго урока П. убѣжалъ на случившійся въ городѣ пожаръ и въ училище больше не показывался. На другой день его нашли отравившимся въ городскомъ саду. На дознаніи П. показаль, что инспекторъ ударилъ его очень больно, а одинъ изъ учителей постоянно притѣснялъ; этими фактами онъ объяснялъ свое покушеніе. Разслѣдованіе однако не подтвердило словъ П.

Повидимому дѣло идетъ объ очень живомъ, но дурно воспитанномъ, испорченномъ мальчикѣ, который, боясь наказания со стороны отца, прибѣгнулъ къ самоубійству.

XXIV. А. А. 16 лѣтъ, ученикъ V-го класса прогимназіи, въ ночь на 17-ое мая 1909 г. покончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

Объ этомъ фактѣ собраны довольно подробныя свѣдѣнія, которыя рисуютъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: А. происходитъ изъ бѣдной семьи (отецъ—сельскій учитель, мать—сельская учительница). Отецъ сильно злоупотреблялъ алкоголемъ и умеръ отъ удара. Старшій братъ, юноша мало способный, горькій пьяница, разошелся съ матерью, которая, по ея собственнымъ словамъ, „его видѣть не могла“. А. поступилъ въ прогимназію въ первый классъ и сначала, благодаря основательной подготовкѣ, оказывалъ хорошіе успѣхи; обладая очень не блестящими способностями и не отличаясь трудолюбіемъ, въ слѣдующихъ классахъ онъ однако быстро опустился и въ третьемъ классѣ былъ оставленъ на повторительный курсъ. Въ V-мъ классѣ успѣхи въ первыхъ двухъ четвертяхъ въ общемъ были почти удовлетворительны, но въ третьей и четвертой стали рѣзко понижаться, почему постановленіемъ педагогическаго совѣта 11-го мая онъ былъ оставленъ на второй годъ. Къ сказанному необходимо добавить, что А. очень любилъ свою

мать несмотря на ее суровость и рѣзкость. Въ 1905—6 учебномъ году она была арестована за политическую пропаганду и потомъ выслана на срокъ болѣе года. Это событіе рѣзко отразилось на мальчикѣ; учиться онъ сталъ хуже и тогда то былъ оставленъ въ первый разъ на второй годъ. Начальство прогимназіи получило свѣдѣнія о суровомъ отношеніи матери къ сыну. Увидя незадолго до катастрофы четверть съ плохими отмѣтками, она сказала ему: „я работаю, тружусь, на тебя трачу деньги, а ты не хочешь работать“. Сынъ отвѣтилъ: „значитъ мнѣ остается только покончить съ собой“. На вопросъ одного изъ товарищей, знаетъ ли мать, что онъ оставленъ на второй годъ, А. сказалъ: „мама еще не знаетъ, да и не узнаетъ“. Передъ самоубійствомъ онъ написалъ матери два письма:

I. Дорогая мама, я пишу тебѣ послѣднее письмо, а чувствую какъ погиаю пробѣгаетъ молодая, здоровая сила и какъ будто возмущается моимъ рѣшеніемъ покончить съ собой. Мозгъ также работаетъ и какъ будто тамъ сидитъ другой человекъ и составляетъ планы будущей жизни одинъ другого прекраснѣе. Всеаки тяжело умирать молодымъ, вѣдъ я еще не жилъ. Но тамъ глубоко застѣла какая-то искра, которая кричитъ и умоляетъ меня, чтобы я покончилъ съ собой. Эта искра побѣждаетъ. Меня бы могла теперь спасти отъ самоубійства только война. Я бы пошелъ на войну и сложилъ бы свою голову, сражаясь за родину и народъ. Но ея нѣтъ и я долженъ покончить съ собой подлымъ образомъ. Меня могутъ назвать трусомъ, но имъ я никогда не былъ, а покончить съ собой, чувствуя достаточно силы для борьбы съ жизнью, и не зная что ждетъ тебя впереди, можетъ быть и счастье, и когда споръ вполнѣ нормаленъ, нужно имѣть присутствіе духа. Я былъ лѣнивъ, вотъ причина плохихъ успѣховъ, но она явилась вслѣдствіе несправедливости нѣкоторыхъ учителей. Прощай, дорогая мама и Саша. Любящій сынъ и братъ А. Я не указываю именъ учителей и не описываю ихъ недостатковъ, потому что скажутъ, что это слова озлобленнаго школьника. Какъ не хочется умирать!

II. Прощай, дорогая мама! Не вини себя въ моей смерти. Прощай, Саша! Прощайте товарищи. Желаю вамъ выдержать экзамены. А.

Принимая во вниманіе всѣ изложенные выше факты, директоръ прогимназіи приходитъ къ выводу, что А. отягченъ наслѣдственностью и сверхъ того росъ при неблагопріятныхъ условіяхъ домашней жизни, которая усилила его нервность и сдѣлала характеръ угрюмымъ и замѣнутымъ; способности его были плохи, прилежанія не было, а потому при самомъ

снисходительномъ отношеніи педагогическаго персонала, искренне жалѣвшаго мальчика, ему приходилось ставить дурные баллы. Впрочемъ, не эти баллы и не оставленіе на второй годъ—основная причина самоубійства; главнымъ поводомъ къ нему, кромѣ врожденной нервности, явились грубое обращеніе матери, не обращавшей никакого вниманія на ученіе сына, и ея интимная связь съ молодымъ человѣкомъ, которая была всѣмъ извѣстна и не могла укрыться, конечно, отъ А. Если на рѣшеніе А. покончить съ собой и имѣла вліяніе школа, то лишь самое незначительное и отдаленное.

При болѣе тщательномъ анализѣ обстоятельствъ дѣла однако врядъ ли можно согласиться съ послѣднимъ выводомъ о вліяніи школы. Дѣйствительно, А. имѣлъ дурную наслѣдственность; дѣйствительно, неблагопріятныя условія домашней жизни должны были только усилить эту наслѣдственность и мальчикъ поступилъ въ школу, уже обладая неустойчивой психо-нервной организаціей. Но тотъ фактъ, что онъ получилъ дома основательную подготовку, благодаря которой учился успѣшно и въ первомъ классѣ, этотъ фактъ заставляеть думать, что А. далеко не былъ лишенъ способностей. Директоръ обвиняеть его далѣе въ лѣности, а его мать въ небрежномъ отношеніи къ сыну. Но собранныя свѣдѣнія рѣзко противорѣчатъ и такому заявленію. Мать не оставалась спокойной, получая дурныя отмѣтки, а дѣлала сыну выговоры, быть можетъ даже слишкомъ рѣзкіе; послѣднія деньги она тратила на репетиторовъ. Самъ мальчикъ, нѣжно любя свою мать, также принималъ всѣ зависяція отъ него мѣры, чтобы учиться успѣшнѣе: онъ отыскивалъ себѣ учителей, передъ экзаменомъ нарочно перемѣнилъ квартиру, чтобы жить одному и работать безъ помѣхи. Но все было напрасно; его оставили на второй годъ. Къ этой неудачѣ присоединились сознаніе несправедливости, жертвой которой, по его мнѣнію, онъ сдѣлался, и тяжелая перспектива непріятнаго объясненія съ матерью и болѣзненно-впечатлительная организація мальчика

не вынесла. Такимъ образомъ оставленіе на второй годъ явилось непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству.

XXV. О.—Б. Д., 19 лѣтъ, ученикъ VII-го класса гимназіи, 27-го мая 1909-го г. выстрѣломъ изъ револьвера въ ротъ лишилъ себя жизни.

Изъ произведеннаго разслѣдованія видно, что отецъ Б. семь лѣтъ тому назадъ кончилъ жизнь самоубійствомъ черезъ повѣшеніе; мать, женщина состоятельная, очень любила сына и относилась къ нему съ крайней заботливостью. Самъ Б. аттестуется гимназіей, какъ юноша скромный, воспитанный, добросовѣстно относившійся къ дѣлу; онъ переходилъ ежегодно изъ класса въ классъ, но въ седьмомъ въ первой четверти имѣлъ два по математикѣ. Въ ноябрѣ Б. заболѣлъ острымъ суставнымъ ревматизмомъ въ очень тяжелой формѣ и долженъ былъ прекратить посѣщеніе гимназіи. Мать увезла больного къ себѣ и ходатайствовала объ оставленіи его въ седьмомъ классѣ на второй годъ. Дома юноша былъ довольно веселъ, но производилъ на окружающихъ впечатлѣніе нервно-разстроеннаго. Непосредственнаго повода къ самоубійству не установлено. Послѣ смерти покойнаго былъ найденъ дневникъ, состоящій изъ 18 отрывочныхъ замѣтокъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1. На вопросъ, что вы считаете болѣе удобнымъ для самоубійства—веревку или ружье, я отвѣтилъ и то и другое одновременно. 16-го февраля 1909-го года.

2. На вопросъ, что удобнѣе: ружье или револьверъ, я скажу—пушка.

3. Если я когда нибудь рѣшу кончить жизнь самоубійствомъ, то исполню это всего вѣроятнѣе въ пьяномъ состояніи, чтобы не такъ сильно чувствовать боль.

5. Многіе празднуютъ день своего рожденія, но тѣмъ ни одного человека, который бы благословлялъ этотъ день, а почти всѣ люди хоть разъ въ жизни проклинали искренне день своего рожденія.

9. Державинъ. Глаголь временъ, металла звонъ. Твой страшный гласъ людей пугаетъ, и дураковъ и умныхъ, а меня ничуть. Зоветь людей, зоветь твой стонъ, зоветь и къ гробу приближаетъ и дураковъ и умныхъ, а меня ничуть. Мой часъ я самъ приближу.

11. Съ жизнью у меня нѣтъ никакихъ связывающихъ нитей, кромѣ любви къ природѣ. Въ ней мой интересъ. Жизнь хороша—смерть лучше.

12. Быть здоровымъ—значитъ не чувствовать своего здоровья, а быть больнымъ, значитъ чувствовать свое нездоровье и здоровье другихъ. Сожалѣніе или жалость ко мнѣ, которую я вижу на мерзкихъ лицахъ встрѣчныхъ людей на улицѣ вызываютъ, во мнѣ злобу, доходящую до ненависти.

15. Я Обломовъ. Я босякъ душевный. А можетъ быть я идіотъ или сумасшедшій. Мои мозги почему то не перевариваютъ и инстинктивно ненавидятъ гимназическія науки, а можетъ быть вообще науки. Читать я люблю. Мнѣ пріятно, когда въ моей головѣ является—слова Леонида Андреева—ясная, жгучая мысль. Мой мозгъ, какъ мнѣ кажется, находится въ интересномъ состояніи.

16. Преподавателямъ и прочимъ. Кто требуетъ къ себѣ уваженія, тотъ долженъ относиться съ уваженіемъ къ тому, отъ кого онъ требуетъ его.

18. Танцы—сладострастіе, доходящее до поэзіи. «Народы, перерождайтесь!»

Только что приведенныя замѣтки несмотря на всю ихъ отрывочность въ высшей степени характерны: въ нихъ можно ясно видѣть главнѣйшіе моменты, вызвавшіе самоубійство. Мальчикъ, родившійся отъ больного отца, который покончилъ жизнь самоубійствомъ, получилъ дурное наслѣдство и, конечно, помнилъ хорошо всѣ подробности разыгравшейся семь лѣтъ тому назадъ въ ихъ семьѣ драмы. Мысль о самоубійствѣ у него сквозитъ почти во всѣхъ замѣткахъ и, видимо, сроднилась съ нимъ уже давно, являясь, съ одной стороны, выраженіемъ психопатической конституціи, съ другой—вызванная близкимъ примѣромъ. Не прошло безслѣдно и перенесенное незадолго физическое заболѣваніе, которое заставило неуравновѣшеннаго юношу съ завистью и ненавистью смотрѣть на здоровыхъ. Далѣе, очевидное вліяніе здѣсь оказала и современная литература съ ея пессимистическимъ направленіемъ. Наконецъ, мы видимъ довольно ясный намекъ на неправильное отношеніе педагоговъ, которымъ юноша даетъ глубоко правдивый совѣтъ.

XXVI. А. Н. 17 л., ученица VI-го класса гимназіи, 22-го іюня 1909 г. покончила съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ ротъ.

Покойная, дочь неизвѣстныхъ родителей, была усыновлена семьей сапожника Н. Н—ы люди простые, но достаточные, не имѣли дѣтей и очень любили свою пріемную дочь; не отказывая ей ни въ чемъ, они не могли однако имѣть большого вліянія на ея духовный міръ. Дѣвочка болѣзненная, страдавшая какими то обмороками (истерическіе припадки?) была предоставлена самой себѣ; училась она въ общемъ удовлетворительно, но большую часть свободнаго времени посвящала чтенію бульварныхъ романовъ. Пользуясь большой свободой, она влюбилась въ ученика коммерческаго училища, который сначала ухаживалъ за ней, а потомъ измѣнилъ свои отношенія. Въ оставленной на имя этого ученика запискѣ она говоритъ:

«Прощай мой милый, Моничка, я больше съ тобой не увижусь никогда, я уѣзжаю далеко, но не въ Евпаторію, а еще дальше, на небо.

Я не могу больше переносить, страдать всю жизнь, это для меня мука, и я рѣшила покончить съ собой, вѣдь я тебя люблю крѣпко, но ты, я знаю, разлюбилъ меня. Прощай, прощай, моя радость, мое счастье. Твоя навѣкъ кошечка».

Этотъ случай самоубійства представляется довольно яснымъ: истеричная дѣвушка, за правильностью умственнаго развитія которой никто не слѣдилъ, подъ вліяніемъ бульварныхъ романовъ и обружающей среды быть можетъ преждевременно развившая свою чувственность, покончила счеты съ жизнью вслѣдствіе неудачной привязанности.

XXVII. Г. Р. 15 лѣтъ, ученикъ IV-го класса реального училища, 21-го іюня 1909-го г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

Г. во время купанья шалилъ въ водѣ, наговорилъ дерзостей преподавателю танцевъ и не хотѣлъ ему сказать своей фамиліи. Директоръ училища наложилъ на него взысканіе въ видѣ ареста на 15 часовъ и предупредилъ, что объ его поведеніи напишетъ отцу. Г. старался подкупить служителя, чтобы тотъ не исполнилъ распоряженія директора и не передавалъ письмо его родителямъ, а когда это не удалось, вышелъ на нѣсколько минутъ изъ училища и, возвратившись,

выпилъ нашатырный спиртъ. На послѣдовавшіе затѣмъ стоны и крики собрались всѣ бывшіе недалеко лица; приглашенъ былъ врачъ, который отправилъ его въ больницу. На другой день родные взяли его домой въ хорошемъ состояніи. На мѣстѣ происшествія Г. оставилъ записку слѣдующаго содержания:

«Не найдя нигдѣ справедливость, рѣшилъ свою невинность открыть своей смертью. Родители мои пусть посчитаются съ Ш.» (учитель танцевъ).

Начальство училища не сообщило характеристики психической личности Г.; нѣтъ также данныхъ, которыя обрисовывали бы его семейныя отношенія, поэтому и самый случай представляется не вполне яснымъ. По всей вѣроятности однако дѣло идетъ объ экспансивномъ, дурно воспитанномъ субъектѣ, который боялся наказанія со стороны отца и кромѣ того имѣлъ въ виду отомстить виновнику надвигавшейся бѣды.

XXVIII. I. Г. 20 лѣтъ, ученикъ VIII-го класса гимназіи, 18-го августа 1909 г. покончилъ жизнь самоубійствомъ, выстрѣливъ въ грудь изъ монтекристо.

Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что Г. юноша скромный, благовоспитанный, учился прилежно, но при среднихъ способностяхъ оказывалъ посредственные успѣхи; послѣдній годъ, представивъ свидѣтельство о болѣзни, совсѣмъ не посѣщалъ гимназію. Болѣзнь его видимо началась уже давно. Еще въ 1905 г. врачъ выдалъ свидѣтельство въ томъ, что Г. страдалъ „гипереміей мозговыхъ оболочекъ и общимъ нервнымъ разстройствомъ“. Въ медицинскомъ свидѣтельствѣ, выданномъ тѣмъ же врачомъ въ 1908 г. о гипереміи мозговыхъ оболочекъ уже не упоминается, но говорится о рѣзкой формѣ спинно-мозговой невралгіи, при которой посѣщеніе школы представлялось крайне вреднымъ. Директоръ гимназіи указываетъ также на неблагопріятную семейную обстановку покойнаго. Отецъ его умеръ; мать относилась къ сыну хуже, чѣмъ къ остальнымъ дѣтямъ, такъ что Г. одно время хотѣлъ совсѣмъ отказаться отъ помощи матери и оставить ее; только по совѣту директора, обѣщавшаго вызвать мать и поговорить съ ней, онъ отложилъ исполненіе своего плана.

При анализѣ даннаго случая прежде всего должно имѣть въ виду, что Г. страдалъ общимъ нервнымъ разстройствомъ—нейрастеніей. Это заболѣваніе у молодыхъ людей въ тяжелой своей формѣ развивается большей частью благодаря наслѣдственности и особенно рѣзко отражается на настроеніи, которое становится подавленнымъ; больной часто видитъ свое состояніе въ мрачномъ свѣтѣ; отсюда—отчаяніе и попытки къ самоубійству. Именно подобное состояніе, по всей вѣроятности, переживалъ Г.; оно то, въ связи съ неблагопріятно сложившейся домашней обстановкой, и привело его къ рѣшимости покончить съ собой.

XXIX. И. Г. 13 лѣтъ, ученикъ I-го класса городского училища, 20-го августа 1909 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Г. сынъ бѣдныхъ родителей (отецъ занимался кузнечнымъ ремесломъ), субъектъ болѣзненный и очень нервный, учился въ общемъ удовлетворительно и только по ариѳметикѣ получилъ переэкзаменовку; по отзыву отца онъ былъ мальчишъ испорченный, распушенный; его неоднократно уличали въ воровствѣ и однажды полиція даже арестовала его. Отецъ относился къ сыну сурово, нерѣдко билъ. Переэкзаменовка, повидимому, сошла неудачно и мальчишъ застрѣлился, оставивъ слѣдующую записку:

«Не вините въ моей смерти никого, я умираю оттого, что не выдержалъ экзамена. Папа, мама, Пая и Зина простите меня. Вашъ сынъ».

Директоръ училища, передавая подробности событія, добавляетъ, что результатъ экзамена былъ еще неизвѣстенъ Г. и весьма вѣроятно, что педагогическій совѣтъ перевелъ бы его во второй классъ, на что и могъ онъ надѣяться; поэтому указанная въ запискѣ причина не основательна, тѣмъ болѣе, что Г. былъ мальчишъ болѣзненно нервный и отличался распушенностью. Послѣднія причины, собственно говоря, и привели его къ роковому концу.

Фактическая сторона въ данномъ случаѣ изложена слишкомъ коротко, да и собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія пред-

ставляется крайне затруднительнымъ: покойный принадлежалъ къ той средѣ, гдѣ на условія жизни и развитія ребенка слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Во всякомъ случаѣ однако съ мнѣніемъ директора согласиться невозможно. У насъ нѣтъ никакихъ основаній установить точную связь между распущенностью мальчика и его самоубійствомъ. Ближе къ дѣйствительнымъ фактамъ гипотеза иного рода: Г. сдалъ переэкзаменовку, по его мнѣнію, неудовлетворительно и, вслѣдствіе ли оскорбленнаго болѣзненнаго самолюбія или, что вѣрнѣе, боясь наказанія со стороны отца, не нашелъ для себя иного выхода, какъ самоубійство. Такимъ образомъ неудачный экзаменъ явился непосредственнымъ поводомъ несчастнаго случая.

XXX. Д. К. 18 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназій, 29-го августа 1909-го г. покушаясь на самоубійство, выпила смѣсь хлороформа, скипидара и спирта; вскорѣ совершенно поправилась.

Д. 22-го августа не выдержала переэкзаменовки по русскому языку, такъ какъ по собственному признанію не подготовлялась къ ней въ теченіе лѣта, и была оставлена въ классѣ на второй годъ. Ея дядя, воспитывавшій Д. на свой счетъ, заявилъ, что не намѣренъ болѣе на нее тратиться и отправить ее къ родителямъ, очень бѣднымъ людямъ. Это обстоятельство и было поводомъ къ покушенію.

Внѣшняя зависимость покушенія отъ неудачнаго исхода экзамена здѣсь очевидна, тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакихъ данныхъ ближе уяснить себѣ истинный характеръ событія. У насъ нѣтъ свѣдѣній о психической личности дѣвушки; мы ничего не знаемъ объ отношеніи къ ней школы, почему она не готовилась къ экзаменамъ, если желала продолжать свое образованіе.

XXXI. М. К. 15 лѣтъ, ученикъ VI-го класса гимназій, 4-го сент. 1909 г. окончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

К. отличался вспыльчивымъ характеромъ, учился хорошо, поведенія былъ отличнаго. Въ день катастрофы онъ получилъ за что-то суровый выговоръ сначала отъ отца, потомъ отъ матери. Послѣдняя между прочимъ сказала сыну: „если не желаешь, то можешь уйти себѣ изъ дому“. Мальчишъ отвѣтилъ. „Въ такомъ случаѣ я уйду“ и ночью найденъ былъ мертвымъ.

Причины семейныхъ неприяностей не выяснены; неизвѣстно также ничего о семьѣ К. и объ отношеніяхъ родителей къ сыну. Непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству была повидимому ссора съ родными.

XXXII. С. Ш. 17 л. ученица VII-го класса гимназіи, 3-го ноября 1909 г. отравилась карболовой кислотой и вскорѣ скончалась.

Покойная происходитъ изъ малокультурной еврейской семьи; ея отецъ, человѣкъ необразованный, имѣлъ привычку грубо обращаться съ дѣтьми. Дѣвочка, видимо, тяготилась домашней обстановкой, такъ какъ по развитію стояла выше своихъ родныхъ. Присмотра за ней дома никакого не было. Въ гимназію Ш. поступила въ 1903 г. во 2-ой классъ, но въ маѣ 1906 г. выбыла изъ четвертаго класса; снова поступила по экзамену въ шестой классъ уже въ 1908 г. Способностями она обладала средними, училась въ общемъ удовлетворительно, поведенія была отличнаго. По отзыву преподавателей Ш. отличалась крайне впечатлительнымъ, самолюбивымъ характеромъ, вслѣдствіе чего иногда позволяла себѣ рѣзкія, немотивированныя въ достаточной степени выходки, напр. отказывалась отвѣчать на вопросы, разрывала бумагу во время письменныхъ отвѣтовъ и т. п.

Въ послѣдній годъ настроеніе ея бывало часто подавленнымъ; она мало интересовалась окружающимъ, не сходилась съ подругами. Дома она любила заниматься чтеніемъ и между прочимъ прочла извѣстную книгу Вейнингера „Поль и характеръ“, оказавшую на нее глубокое вліяніе.

Таковы вкратцѣ факты, которые имѣютъ важность для выясненія личности покойной.

Самое происшествіе представляется въ слѣдующимъ видѣ: 30 октября ученицамъ VII-го класса была дана письменная задача по физикѣ. Ш. получила за нее двойку, а преподаватель на самой работѣ сдѣлалъ надпись: „обнаружила полное незваніе.“ Такъ какъ эта отмѣтка должна была отразиться на выводѣ въ четверти, то на слѣдующій день преподаватель вызвалъ Ш., желая провѣрить ея знанія. Дѣвочка въ рѣзкой формѣ отказалась отвѣчать, о чемъ преподаватель и увѣдомилъ начальницу гимназіи. При послѣдовавшемъ объясненіи съ Ш. начальница выяснила, что причиной отказа явилась надпись преподавателя, которая показалась обидной. Ш. заявила, что если преподаватель убѣдился въ полномъ незнаніи ея, то у него нѣтъ основанія и спрашивать еще разъ, такъ какъ въ одинъ день она конечно не могла подготовиться; поэтому она предполагаетъ, что преподаватель имѣлъ въ виду только унижить ее въ глазахъ всего класса. Напрасно начальница старалась убѣдить Ш., что она не права и должна извиниться предъ преподавателемъ за свой рѣзкій тонъ. Покойная отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ, сообщила, что не будетъ больше учиться въ гимназіи и немедленно потребовала свои бумаги, которыя, конечно, не были ей выданы. Дома Ш. передала своимъ о происшедшемъ и, видимо, успѣла склонить на свою сторону мать, которая, явилась въ гимназію, повторила слова дочери о намѣреніи преподавателя унижить ее передъ классомъ и просила немедленно выдать ей документы. Начальница предложила подать соотвѣтствующее прошеніе. Однако отецъ Ш. не соглашался съ ея доводами; онъ настаивалъ, чтобы дочь извинилась и оставалась въ гимназіи. Повидимому между членами семьи происходила борьба. Покойная заявила родителямъ, что скорѣе покончить съ собой, чѣмъ извинится, долго упорствовала на своемъ первоначальномъ рѣшеніи и еще наканунѣ самоубійства въ бесѣдѣ съ подругой развивала планы, какъ она будетъ заниматься дома для подготовки къ экзаменамъ; мысли о самоубійствѣ она тогда не высказывала. На другой день намѣренія ея измѣнились. Ш. сказала отцу, что остается въ гимназіи и идетъ туда, чтобы извиниться. Въ гимназію она явилась передъ четвертымъ урокомъ, сообщила классной дамѣ, что рѣшила извиниться, была съ виду спокойна, просидѣла одинъ часъ; въ перемѣну передъ пятымъ урокомъ (преподавателя, передъ которымъ

должна была извиниться) вышла въ рекреационный залъ, быстро выпила карболовую кислоту изъ пузырька, который принесла изъ дома, вскрикнула: „я отравилась!“ и упала на полъ.

Одной изъ своихъ подругъ она оставила для передачи преподавателю физики письмо слѣдующаго содержанія:

«У меня требовали, чтобы я извинилась передъ Вами, но я не принадлежу къ тѣмъ, которыя извиняются. Вы меня знали, какъ лѣнтяйку Ш. Знайте же, что я была выращена принципами Гедды Габлеръ. Мой отецъ предлагалъ мнѣ извиниться и я «извиняюсь». Послѣ всего этого не совѣтую хвалиться знаніемъ психологіи ученицъ».

Для возможно полной характеристики событія необходимо добавить, что преподаватель физики, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ репутацію человѣка очень любящаго свое дѣло, симпатизирующаго учащимся, но очень вспыльчиваго и часто рѣзкаго въ своихъ выраженіяхъ.

Анализируя полученные свѣдѣнія, мы прежде всего видимъ что С. Ш. отличалась нервностью, впечатлительностью, крайней обидчивостью, нерѣдко заставлявшей ее нарушать требованія школьной дисциплины. Въ гимназію она поступила въ тяжелое время развала средней школы, которая поэтому не могла оказать на нервного ребенка своего воспитательнаго вліянія. Вдобавокъ Ш. на нѣсколько лѣтъ покидала и гимназію, такъ что росла и развивалась почти исключительно въ своей семьѣ. Однако и семья не могла дѣйствовать на дѣвочку благотворно: родители по уровню образованія стояли ниже дочери и наблюдали развѣ только за ея физическимъ ростомъ и здоровьемъ. Чѣмъ занималась и интересовалась Ш. дома, подъ какими вліяніями складывалась ея духовная жизнь, мы не знаемъ; по отрывочнымъ фактамъ однако можно догадываться, что ей не были чужды отвлеченные интересы. Къ сожалѣнію тѣ книги, которыя попадались дѣвочкѣ, далеко не всѣ были назначены для чтенія дѣтей, да еще вдобавокъ обладавшихъ слишкомъ неустойчивой психо-нервной организаціей. Вейнинггеръ въ книгѣ „Поль и характеръ“ относится

очень отрицательно къ женщинамъ, обрисовывая ихъ, какъ существа низшаго порядка. Эта книга, написанная съ нѣкоторымъ талантомъ и по своей внѣшности производящая впечатлѣніе научнаго труда, оказываетъ на дѣвушекъ особенно удручающее вліяніе: извѣстны случаи самоубійства послѣ ея прочтенія. Неудивительно, если впечатлительная, мало образованная Ш., лишенная какой-либо внѣшней нравственной опоры, реагирована на идеи Вейнингера съ излишней страстностью. Пессимистическое направленіе современной литературы съ ея презрѣніемъ къ жизни, съ эффектными описаніями сценъ самоубійства также не осталось безъ рѣзкаго вліянія на дѣвушку; она усвоила себѣ принципы героини Ибсена и съ готовностью слѣдовала ея примѣру. Мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о сердечной жизни Ш. (о чемъ въ обществѣ циркулировали весьма разнообразные слухи), а потому не будемъ говорить, какъ губительно могли бы отразиться связанныя съ ней душевныя волненія. Уже достовѣрно установленныхъ фактовъ, приведенныхъ выше, совершенно достаточно, чтобы охарактеризовать ту почву, на которую упалъ инцидентъ 31 октября. Самолюбивая дѣвушка была взволнована категорической рецензіей преподавателя, а тутъ еще ее вызываютъ для отвѣта. Преподавателя физики, не смотря на все уваженіе къ нему, дѣти боялись въ виду его рѣзкихъ, подчасъ оскорбительныхъ (по словамъ его ученицъ) выраженій. Испугалась и Ш. и, предвидя возможность новыхъ уколовъ, теперь уже публичныхъ, ея самолюбію, категорически отказалась отъ отвѣта. Не успѣла ее разубѣдить начальница; не удалось это и отцу, которому она прямо заявила, что скорѣе умретъ, чѣмъ извинится. Что заставило дѣвушку окончательно остановиться на самоубійствѣ, настойчивыя ли требованія со стороны строгаго отца или соблазнительная перспектива выйти изъ создавшагося положенія, слѣдуя примѣру Габлеръ, или то и другое, вмѣстѣ мы не знаемъ. Но мысль о самоубійствѣ назрѣла; ее слѣдуетъ привести въ исполненіе эффектно, кра-

сиво, и вотъ несчастная, запасшись ядомъ, идетъ въ гимназію и падаетъ тамъ среди подругъ, окруженная многочисленными взволнованными свидѣтелями, умираетъ при общемъ сочувствіи, увѣренная, что это сочувствіе проявится еще болѣе шумно потомъ на ея похоронахъ, что еще долго она будетъ въ памяти знакомыхъ оставаться героиней, достойной пера самого Ибсена.

XXXIII. С. З. 16 лѣтъ, ученикъ V-го класса гимназіи, 6 ноября 1909 г. съ цѣлью самоубійства бросился изъ окна и получилъ тяжелые ушибы.

З. происходитъ изъ очень бѣдной еврейской семьи; его родная сестра годъ тому назадъ покончила жизнь самоубійствомъ. Такъ какъ родные не могли оказывать юношѣ матеріальной помощи, то онъ принужденъ былъ жить уроками; учился посредственно; отличался хорошимъ поведеніемъ. Въ день происшествія З. сообщилъ нѣкоторымъ изъ товарищей, что онъ тяготится жизнью и намѣренъ прибѣгнуть къ самоубійству. Одни приняли эти слова за шутку; другіе отнеслись къ нимъ серьезнѣе, такъ какъ еще ранѣе З. жаловался имъ на тяжелое матеріальное положеніе и высказывалъ разочарованіе въ жизни. Никто однако не предполагалъ, что онъ такъ быстро приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе: настолько онъ казался спокойнымъ и даже веселымъ. Во время перемѣны З. вдругъ вскочилъ на окно и крикнувъ: „прощайте, товарищи!“ бросился съ третьяго этажа внизъ. Въ одной изъ тетрадей его нашли записку слѣдующаго содержанія:

«Кругомъ все такъ обманчиво и лживо! Жизнь гадка! Не стоитъ жить! Глупо, гадко и низко все кругомъ. Если кто-нибудь скажетъ жить хорошо, я скажу: ты сумасшедшій.

Правда, въ смерти я самъ буду виноватъ, но что же дѣлать! Умру я тотъ, который всегда говоритъ, что глупо умирать.

Искреннее спасибо М., С., тебѣ В., которому я благодаренъ больше всѣхъ, отцу, матери, сестрамъ и братьямъ. Не старайтесь меня спасти».

Къ вышеизложенному необходимо добавить, что въ этой гимназіи З. пробылъ только около двухъ мѣсяцевъ, поступивъ по экзамену прямо въ пятый классъ. Ранѣе онъ учился въ другой частной школѣ, изъ которой, по желанію родителей, вышелъ годъ тому назадъ. По наблюденіямъ гимназическаго

врача З. страдалъ неправильной дѣятельностью сердца и общимъ малокровіемъ.

У насъ очень мало свѣдѣній, на основаніи которыхъ мы могли бы создать себѣ ясное представленіе о психической личности юноши, объ его характерѣ, способностяхъ, склонностяхъ. Мы не знаемъ даже, какой велъ онъ образъ жизни, чѣмъ интересовался, въ какой средѣ жилъ. Повидимому онъ происходилъ изъ невропатической семьи, гдѣ уже былъ случай самоубійства. Происшедшая незадолго катастрофа съ сестрой, конечно, не прошла безслѣдно для впечатлительнаго З; неудачныя попытки поступить въ ту же гимназію, гдѣ онъ учился ранѣе, связанныя съ упорными занятіями, также должны были оказать свое вліяніе, матеріальная нужда и связанныя съ нею лишенія ослабляли, далѣе, и безъ того хрупкій организмъ, а неправильная дѣятельность сердца, какъ извѣстно, часто отражающаяся на самочувствіи, должна была рѣзко нарушать настроенія, вызывая чувство тоски, подавленности. Въ предсмертной запискѣ ни слова не упоминается о бѣдности; мы находимъ здѣсь только общія фразы, свидѣтельствующія о полной разочарованности. Крайне сомнительно, чтобы юноша, почти не начинавшій еще жить, самостоятельно могъ дойти до такого состоянія. Невольно напрашивается мысль, нѣтъ ли и въ данномъ случаѣ вліянія современной литературы, вліянія, которое упало на глубоко распатанную почву.

XXXIV. Ф. Р. 18 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 26 ноября 1909 г. окончила жизнь самоубійствомъ, отравившись денатурированнымъ спиртомъ.

Покойная происходитъ изъ ортодоксальной еврейской семьи; мать упорно не желала дать дочери образованіе, предпочитая, чтобы она скорѣе выходила замужъ и Ф. только послѣ упорной борьбы получила ея согласіе на поступленіе въ гимназію. Сначала она держала экзаменъ въ VII классъ,

но оказалась слабо подготовленной по русскому языку; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повторила экзамень уже въ VI классъ, куда и была принята. Училась она хорошо, нивакихъ неприятностей въ школѣ не имѣла, но отношенія съ матерью ухудшились еще болѣе. Женщина зажиточная, мать не платила за ученіе, не давала дочери денегъ на покупку учебниковъ и форменнаго платья; всѣ эти расходы Ф. должна была производить изъ собственныхъ сбереженій. Въ послѣднее время мать неоднократно даже била ее; наканунѣ самоубійства имѣла мѣсто очень тяжелая сцена между матерью и дочерью, въ заключеніе которой послѣдняя получила пощечину.

Причины катастрофы ясны. Дѣвушка въ теченіе долгаго времени упорно боролась за право учиться, вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была усиленно заниматься и по всей вѣроятности уврадкой отъ матери, т. е. совершенно самостоятельно. Неудачный въ первый разъ экзамень, конечно, также оказалъ свое вліяніе. Но покойная не упала духомъ и наконецъ добилась своего. Однако силы ея были уже надломлены, а тутъ еще постоянныя ссоры съ матерью, не останавливавшейся ни передъ чѣмъ, чтобы заставить дочь отказаться отъ избраннаго ею пути. Пощечина явилась послѣдней каплей, переполнившей чашу.

XXXV. Ф. С. 13 лѣтъ, ученикъ II-го класса реального училища, 26 ноября 1909 г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; поправился.

С. происходитъ изъ крестьянской семьи, учился плохо, дурно велъ себя. 23 ноября онъ принесъ въ классъ картинку порнографическаго содержанія и началъ показывать ее товарищамъ. Классный наставникъ, замѣтивъ это, сообщилъ инспектору, который вызвалъ родителей и предупредилъ ихъ, что если мальчикъ не исправится, то о происшедшемъ будетъ доведено до свѣдѣнія педагогическаго совѣта. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого С., не вочевавшій двѣ ночи дома, былъ доставленъ съ признаками отравленія въ городскую больницу, гдѣ вскорѣ и поправился. Отецъ, сообщившій эти факты ди-

ректору училища, добавилъ, что „хорошіе дѣти умирають, а этого мучителя и смерть не беретъ“, что Ф. составляетъ тяжелое бремя для семьи и всѣ мѣры воздѣйствія на него оказываются напрасными.

Изъ вышеизложеннаго видно, что С., за развитіемъ котораго не было въ семьѣ достаточнаго надзора, покушался на самоубійство по всему вѣроятію изъ страха „воздѣйствія“ со стороны домашнихъ.

XXXVI. Л. Б. 11 лѣтъ, ученица II-го класса гимназіи, 7 декабря 1909 г. съ цѣлью лишить себя жизни отравилась морфіемъ. Скончалась.

Дѣвочка жила въ очень тяжелой семейной обстановкѣ: ее отецъ разошелся съ матерью, предавался пьянству и злоупотреблялъ морфіемъ; съ дочерью онъ обращался крайне сурово, неоднократно билъ плетвой за плохія отмѣтки, позволялъ себѣ въ ея присутствіи грубо отзывать о матери, во всемъ стѣснялъ ее свободу, запрещая безъ позволенія выходить даже на дворъ. Л. иногда жаловалась подругамъ на свою жизнь. Годъ тому назадъ она сдѣлала попытку отравиться морфіемъ, взятымъ у отца, но была остановлена братомъ. Въ школѣ дѣвочка вела себя хорошо, не обнаруживала никакихъ ненормальностей, училась удовлетворительно, даже получала награды; во второмъ классѣ въ первой четверти она имѣла однако нѣсколько двоекъ, такъ какъ по отзыву директора гимназіи стала менѣе прилежной. Изъ боязни показать дурныя отмѣтки отцу Л. передѣлала ихъ на удовлетворительныя и въ такомъ видѣ представила свою четверть для подписи; возвратить ее въ гимназію она потомъ не рѣшилась, такъ какъ обманъ конечно сейчасъ бы раскрылся, вслѣдствіе чего удержала ее у себя. Но наступило время, когда четверть непременно должно было представить. У дѣвочки снова явилась мысль покончить съ собой; она высказала ее подругамъ, которыя не придали словамъ Л. должнаго значенія, достала опять морфія и, отравившись, упорно скрывала причину своей болѣзни отъ домашнихъ, почему и медицинская помощь ей была доставлена слишкомъ поздно.

Послѣ нея нашли письмо слѣдующаго содержанія:

«Дорогой папа, надоѣло жить бороться. Цѣлую всѣхъ маму, бабушку, тетю, Женю, дядю Петю, тебя папа, тетю Марусю, Д. поклонъ, Лелечку цѣлую 1000 и Колю тоже цѣл.»

Изъ всего сообщеннаго выше ясно, что основной причиной самоубійства была неудовлетворительная семейная обстановка, которая не могла не тяготить дѣвочку и еще ранѣе наводила ее на мысль о необходимости смерти. Боязнь строгаго отца заставила ее пойти на обманъ, а такъ какъ послѣдній долженъ былъ неминуемо раскрыться, Л. не нашла другого исхода, какъ наложить на себя руки.

XXXVII. К. П. ученица VI класса гимназіи, 12 декабря 1909 г. отравилась нашатырнымъ спиртомъ; найденная въ безсознательномъ состояніи, послѣ оказаннаго ей медицинскаго пособія, оправилась.

П. жила въ крайне тяжелыхъ матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ; ея мать, женщина очень грубая, необразованная, рѣзко упрекала дочь за плохіе успѣхи, а между тѣмъ дѣвушка, обладая слабыми способностями, не могла учиться хорошо; въ первой четверти она имѣла двойки по тремъ предметамъ, а во второй—по пяти. Въ день покушенія П. присутствовала на первыхъ двухъ урокахъ; послѣ второго, жалуясь на головную боль, она отпросилась домой, гдѣ, впрочемъ, оставалась недолго; заявивъ матери, что возвращается въ гимназію, она ушла и только вечеромъ была найдена въ безсознательномъ состояніи на городскомъ бульварѣ.

Причиной покушенія въ данномъ случаѣ, по всей вѣроятности, были школьныя неудачи и желаніе избѣгнуть непріятныхъ объясненій съ матерью по этому поводу.

XXXVIII. С. Ф. ученикъ I класса технического училища, 16 декабря 1909 г. лишилъ себя жизни, повѣсившись на веревкѣ.

Покойному жилось въ семьѣ очень тяжело. Отецъ его нисколько не заботился о дѣтахъ, а въ послѣднее время куда то совсѣмъ уѣхалъ. Мальчика содержалъ на свои средства старшій братъ, такъ жестоко наказывавшій его за различныя провинности, что за несчастнаго заступались даже постороннія лица. По общимъ отзывамъ преподавателей Ф. былъ мало развитъ, забитъ, необщителенъ, отдалялся отъ товарищей, часто ссорился съ ними; способностей онъ былъ среднихъ, но не проявлялъ ни малѣйшаго интереса къ занятіямъ, въдобавокъ отличался разсѣянностью, невнимательностью; замѣчанія и выговоры не оказывали на него видимаго вліянія. Въ первой четверти онъ имѣлъ только одну двойку, но въ теченіе второй сильно опустился и, получая въ дневникѣ неудовлетворительныя отмѣтки, исправлялъ ихъ послѣ подписи класнаго наставника, чтобы скрыть отъ брата истинное положеніе дѣлъ. Въ декабрѣ, заболѣвъ чесоткой, Ф. посѣщалъ училище очень неправильно; по выздоровленіи тоже старался уклоняться отъ уроковъ, предпочитая вмѣсто того кататься на конькахъ, такъ что 16 декабря квартирной хозяйкѣ пришлось отобрать коньки и чуть ли не силой послать его въ училище. Однако мальчикъ туда не пошелъ, а, зайдя въ сарай, повѣсился на шнурѣ.

Свѣдѣнія о личности покойнаго очень скудны. Повидимому, это былъ мальчикъ невропатическаго темперамента; суровое воспитаніе только усилило болѣзненные свойства, сдѣлало его скрытнымъ, озлобленнымъ. Причины неуспѣшности въ занятіяхъ мало выяснены; быть можетъ она зависѣла отъ недостаточнаго умственнаго развитія, на которое указываютъ преподаватели. Непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству явился повидимому страхъ наказанія со стороны старшаго брата.

XXXIX. Б. Л., ученица IV класса гимназіи, 17 декабря 1909 г., покушаясь на самоубійство, выпила уксусной эссенціи; выздоровѣла.

Л. происходитъ изъ малокультурной еврейской семьи, отличается характеромъ рѣзкимъ, грубымъ, несдержаннымъ;

по отзыву врача — истеричка. Нѣсколько разъ она была замѣчена въ нарушеніи школьной дисциплины (грубое обращеніе съ преподавательскимъ персоналомъ, самовольный уходъ съ уроковъ и т. п.), вслѣдствіе чего педагогическій совѣтъ уменьшилъ ей отмѣтку за поведеніе, а родители были предупреждены, что дальнѣйшія выходки въ томъ же родѣ сдѣлаютъ невозможнымъ самое пребываніе ихъ дочери въ гимназіи.

За недѣлю до происшествія Л. во время урока танцевъ осталась въ классѣ съ одной подругой, у которой въ то время былъ очень боленъ отецъ. Классная надзирательница, увидя ихъ, потребовала, чтобы онѣ шли танцевать. Л. подняла крикъ, начала упрекать надзирательницу въ бездушіи, такъ какъ она заставляетъ веселиться ученицу, у которой отецъ при смерти, оскорбляла ее рѣзкими упреками и долго не могла успокоиться. Съ тѣхъ поръ обѣ подруги начали держать себя по отношенію къ классной надзирательницѣ очень грубо, вызывая, не кланялись ей, не отвѣчали на ея вопросы. 17-го декабря Л. во время уроковъ обратилась къ начальницѣ гимназіи съ жалобой на головную боль и съ просьбой отпустить ее домой, причѣмъ сообщила, что и классная надзирательница ее отпустила. Получивъ разрѣшеніе уйти, она демонстративно прошла, не кланяясь, мимо надзирательницы, а на вопросъ послѣдней дерзко отвѣчала, что освобождена отъ уроковъ самой начальницей. Надзирательница немедленно довела объ этомъ до свѣдѣнія начальницы, которая остановила Л. и потребовала объясненій. Л. заявила, что не можетъ говорить съ классной дамой, которая ей не кланяется. Начальница указала дѣвчкѣ на некорректность ея поведенія и, отвлеченная другими дѣлами, удалилась. Тогда Л. обрушилась на надзирательницу градомъ такихъ грубостей и дерзостей, что та упала въ обморокъ. На помощь къ ней выбѣжали ученицы, снова явилась начальница. Л. сильно взволнованная всѣмъ происшедшимъ съ истерическими рыданіями кинулась къ начальницѣ, обняла ея колѣни и стала что-то говорить. Желая положить конецъ тяжелой сценѣ, начальница предложила ей идти домой и объяснить свое поведеніе уже на другой день. Л., возвратившись домой, отравилась и была отправлена въ больницу, откуда уже на третій день выписалась поправившейся.

Изъ всего изложеннаго выше видно, что Л. повидимому дѣйствительно истерическаго темперамента; какъ у субъекта

неуравновѣшеннаго, рѣзкіе переходы отъ одной крайности къ другой у нея вполнѣ возможны. Желая отстоять интересы подруги, защитить ее, она сразу измѣняетъ свою роль и обрушивается на классную надзирательницу уже въ качествѣ обвинительницы. Считаая себя несправедливо притѣсняемой, а ее своимъ врагомъ, она начинаетъ вести себя крайне дерзко, доводитъ ее до истерическаго припадка, но вида такой эффектъ быстро переходитъ въ противоположное настроеніе, обнимаетъ колѣни начальницы, кричитъ; истерическій припадокъ классной дамы вызываетъ таковой же у Л. Къ сожалѣнію ей не дали времени прійти въ себя, не успокоили ее и, вернувшись домой въ томъ же настроеніи, она дѣлаетъ попытку сама наказать себя, лишивъ жизни.

XL. И. З. 15 лѣтъ, ученикъ IV класса гимназіи, 19 декабря 1909 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Покойный грекъ по происхожденію; семья состоитъ изъ матери и пятерыхъ братьевъ, живетъ въ достаткѣ; братья люди интеллигентные, мать же неграмотна. Этими фактами исчерпываются свѣдѣнія о семьѣ; мы не знаемъ, имѣются ли указанія на патологическую наслѣдственность, или нѣтъ, каково было отношеніе матери и братьевъ къ З. Директоръ гимназіи не сообщилъ даже характеристики покойнаго, ни слова не говоритъ объ его способностяхъ, умственномъ развитіи, жизненныхъ интересахъ.

З. въ числѣ другихъ учениковъ, имѣвшихъ неудовлетворительныя отмѣтки, былъ переспрошенъ преподавателемъ исторіи и получилъ за отвѣтъ двойку, чѣмъ сразу былъ очень взволнованъ. Дома онъ обратилъ на себя общее вниманіе грустнымъ, убитымъ видомъ, а на другой день застрѣлился, оставивъ записку слудующаго содержанія:

«Дорогіе друзья, я не по своей волѣ убиваю себя, а меня довели до этого и еще этотъ человекъ просилъ меня, чтобы я извинился передъ нимъ за оскорбленіе; теперь я извиняюсь своей жизнью передъ нимъ и все это за какія-нибудь несчастныя двѣ двойки въ четверти. Я не могу снести этого оскорбленія, и если бы это за незнаніе, а то вѣдь знаешь и твое знаніе дѣлать такъ низко. Пусть же теперь мое знаніе и незнаніе пойдеть вмѣстѣ»

со мной въ могилу. Цѣлую маму и всѣхъ васъ. Теперь же вы всѣ успокойтесь и довольно съ васъ».

При произведенномъ разслѣдованіи выяснилось, что хотя къ преподавателю исторіи ученики вообще относились хорошо, но онъ отличался очень вспыльчивымъ характеромъ и не всегда могъ удержаться отъ рѣзкаго тона. Такъ, З. жаловался брату, что этотъ преподаватель въ классѣ назвалъ его босякомъ, не умѣющимъ сидѣть. Одни изъ учениковъ, слышавшихъ послѣдній отвѣтъ покойнаго, говорили, что оцѣнка его была слишкомъ строга, другіе же утверждали, что двойка явилась результатомъ слишкомъ быстрого испытанія, причемъ ученикъ не успѣлъ обнаружить своихъ знаній. Послѣдней возможности не отрицалъ и самъ преподаватель.

Насколько позволяютъ судить приведенные выше факты, З. отличался впечатлительнымъ, самолюбивымъ характеромъ; подготовка къ послѣднему отвѣту, которому онъ предавалъ почему то рѣшающее значеніе, и волненія, связанныя съ нимъ, должны были, конечно, еще болѣе повысить впечатлительность мальчика, и онъ, считая себя незаслуженно оскорбленнымъ и униженнымъ, не нашелъ иной формы протеста, какъ самоубійство.

XLI. Я. Ч. 20 лѣтъ, слушатель педагогическихъ курсовъ, 26-го декабря 1909 г. скончался, отравившись карболовой кислотой.

Изъ краткихъ свѣдѣній, доставленныхъ по этому дѣлу, видно, что покойный, сынъ дворника, страдалъ душевнымъ разстройствомъ, которое и явилось причиной самоубійства.

XLII. А. Г. ученикъ VI класса гимназіи, 30 декабря 1909 г., покушаясь на самоубійство, пытался выпить сѣрной кислоты.

Причиной попытки, по собраннымъ свѣдѣніямъ, была наслѣдственная психическая неуравновѣшенность, разрывъ съ отцомъ и вызванное послѣднимъ обстоятельствомъ разочарованіе въ жизни.

XLIII. Г. О. 18 лѣтъ, ученикъ VIII класса гимназiи, въ ночь на 8 января 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

О. происходитъ изъ психопатической семьи (отецъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ); мать, выйдя замужъ во второй разъ, вела свѣтскую жизнь; на мальчика обращали мало вниманiя и онъ росъ одинокимъ, замкнутымъ. Серьезныя недоразумѣнiя, происходившiя между матерью и ея мужемъ, свидѣтелемъ когорыхъ О. приходилось бывать, еще болѣе отдаляли его отъ родныхъ и заставляли глубоко страдать. Обладая отличными способностями, относясь къ занятiямъ съ полной добросовѣстностью, юноша былъ въ гимназiи однимъ изъ лучшихъ учениковъ; къ нему всегда одинаково хорошо относились и учителя и товарищи. Въ теченiе 1909 г. у него развилось общее нервное разстройство въ формѣ черепно-мозговой нейрастенiи, выражавшееся крайне подавленнымъ настроенiемъ и припадками тоски, подъ влiянiемъ которой стала чаще и чаще возникать мысль о самоубiйствѣ. Въ декабрѣ 1909 г. О., рѣшившись покончить съ собой, взялъ револьверъ и ушелъ изъ дому, оставивъ записку, гдѣ просилъ никого не винить въ своей смерти. Къ счастью мать случайно встрѣтила его на улицѣ и отобрала оружіе. Мало-помалу болѣзненное состоянiе настолько усилилось, что родные, желая по совѣту врачей дать юношѣ отдыхъ, выхлопотали ему разрѣшенiе временно не посѣщать гимназiю. Специалистъ-невропатологъ, видѣвшій тогда больного, совѣтовалъ помѣстить его въ санаторiю, но такъ какъ подъ влiянiемъ лѣченiя настроенiе его значительно улучшилось, то мать не торопилась исполнить этотъ совѣтъ.

Послѣ покойнаго осталось письмо, адресованное его прежнему товарищу по гимназiи, которое довольно отчетливо рисуетъ намъ внутреннiй мiръ самоубiйцы; въ немъ есть ясныя указанiя прежде всего на его болѣзнь, заставлявшую его глубоко страдать, есть изложенiе философскихъ взглядовъ пессимистической школы, применитъ къ которымъ автора принуждало его собственное подавленное настроенiе; наконецъ, мы видимъ здѣсь и темныя намеки на многое, что „горой придавило“ его,—этой горой, повидимому, являются условiя домашней жизни.

Вотъ это письмо:

М. г. Не знаю, откуда почерпнули Вы свѣдѣнія о моемъ «донкихотствованіи». Но скажу лишь одно: очевидно слухи, дошедшіе до Васъ, были слишкомъ искажены и приувеличены. Я сначала нѣсколько удивился тону письма... но, подумавъ, понялъ. Вы говорите, что я не имѣю права, что у меня только «психическій насморкъ» (счастливое слово), что я не знаю жизни, и въ концѣ концовъ сообщаете результаты Вашихъ собственныхъ размышленій на тему о томъ «какъ прекрасенъ Божій міръ». Глубоко тронутъ Вашимъ соболѣзнованіемъ и... глубокомысленными совѣтами. Но видите ли, г. Б. кромѣ грусти и печали есть еще и страданіе, которое ведетъ не къ «свѣтлому полудню жизни», а гнететъ, унижаетъ и уничтожаетъ. Вы, очевидно, много грустили, много думали, но никогда не страдали. Вамъ не понравится это слово: страданіе. Не такъ, ли? И Вы улыбнетесь и засмѣетесь, оставаясь въ безмятежномъ спокойствіи.—Почему, спросите Вы, это несчастное страданіе?—И Вы по своему праву, недоумѣвая и не понимая и не видя смысла въ безпричинномъ страданіи.

Постараюсь объяснить Вамъ, какъ я смотрю въ данномъ случаѣ на жизнь. Буду кратокъ, надѣюсь примѣровъ не надо. Міръ внѣ насъ сильнѣе нашего «я». Онъ долженъ поглотить индивида, какъ единицу, какъ незамѣтную точку. Если личность активна, она лишь сможетъ найти подходящее мѣсто; если пассивна—слѣдуетъ за «всѣми», не сопротивляясь. Но «я» должно хотѣть и желать слиться съ міромъ. (Здѣсь область подсознательнаго, не управляемаго мышленіемъ). Человѣкъ, не желающій, а потому не могущій согласовать свое «я» съ требующей подчиненія массой, вследствие ли признанія ея бессмысленности, или своей неприспособленности, гибнетъ, если не физически, то умственно и нравственно. А послѣднее хуже. Посему я согласенъ съ Шопенгауеромъ: «Отдаваясь пассивно иногда бурному, иногда тихому теченію жизни, мы съ мучительной надеждой взираемъ на спасительный призракъ, витающей вокругъ насъ смерти—примиришельницы». Не знаю сочтете ли Вы это за нелѣпую бредовую идею, или найдете зерна достаточнаго основанія... Сознаю, что это недалеко стоитъ отъ «сумасшедшей гордости» Николая Ставрогина (помните «Бѣсы» Достоевскаго). Но пока другого «психического насморка» не переживалъ.

Есть у меня еще многое, что горой придавило меня и не даетъ возможности стать на мѣсто достойное меня.

Отъ души благодарю Васъ за письмо. Признаюсь, я раньше не понималъ Васъ, встрѣчаясь съ Вами въ повседневной жизни: мнѣ казалось, извините, что Вы слишкомъ неискренни во многомъ.. Противорѣчія слышаннаго и виденнаго меня смущали. Но теперь скажу, что радъ встрѣтить въ Васъ человѣка, близкаго мнѣ по душевнымъ переживаніямъ. Да, я тоже теперь одинокъ и, пожалуй въдобавокъ съ неизлѣчимымъ «психическимъ насморкомъ».

Цѣнныя свѣдѣнія, пополняющія характеристику покойнаго, содержитъ также письмо бывшаго товарища О. Этотъ

товарищъ сообщаетъ, что въ младшихъ классахъ гимназіи опъ близко сошелся съ нимъ. Эпоха 1904—5 гг. однако разъединила прежнихъ друзей, такъ какъ О. пересталъ интересоваться наукой, увлекшись крайними политическими ученіями, цѣлью которыхъ являлось только разрушеніе. Но видимо эти ученія не удовлетворяли его; онъ сталъ много и бессистемно читать, выбирая по преимуществу книги философскаго содержанія. Въ старшихъ классахъ авторъ письма снова близко сошелся съ О., но встрѣтилъ какъ-бы другого человѣка, истомленнаго болѣзнью, безвольнаго, настроеннаго мрачно и подозрительно. О. тогда зачитывался Ницше и Шопенгауеромъ.

Резюмируя приведенные выше факты, мы видимъ, что самоубійство О. вызвано цѣлой серіей причинъ, между которыми основной слѣдуетъ считать психопатическую наслѣдственность. Явившись на свѣтъ съ неустойчивой психо-нервной организаціей, черезчуръ рѣзко реагируя на всѣ внѣшнія впечатлѣнія, мальчикъ попадаетъ въ тяжелыя семейныя условія: вторичное замужество матери, частыя ея ссоры съ мужемъ, признаніе полного одиночества въ семьѣ—все это могло только усиливать болѣзненные свойства ума и характера. Поступивъ въ гимназію, онъ первые годы увлекается ученіемъ и чувствуетъ себя видимо лучше, избавившись отъ одиночества и замкнутости. Но наступаетъ эпоха бурнаго общественнаго движенія. Неуравновѣшенный, всегда впадающій въ крайности мальчикъ, конечно, могъ сдѣлаться послѣдователемъ только крайнихъ ученій; ему пришлось, повидимому, вынести тяжелую борьбу съ прежними взглядами, которая разумѣется не могла пройти безслѣдно для неокрѣпшаго, вдобавокъ болѣзненнаго организма. Крайнія ученія не удовлетворили О. и начинается неустанное отысканіе истины, безпорядочное, бессистемное, безъ руководителя; проглатывается книга за книгой; пессимистическія ученія популярныхъ философовъ волнуютъ душу, болѣе и болѣе расшатывая нервную систему; юноша заболѣваетъ тяжелой черепно-мозговой нейра-

стеней, подъ вліяніемъ которой и спѣшитъ окончить свои дни.

XLIV. М. С. 18 лѣтъ, ученица VI класса гимназіи, 11 января 1910 г. отравилась карболовой кислотой; черезъ нѣсколько часовъ скончалась.

Покійная принадлежитъ къ мало культурной средѣ; ея отецъ, фельдшеръ, обремененный многочисленной семьей, могъ едва сводить концы съ концами, тѣмъ болѣе что старшая дочь, нѣмая, къ труду неспособна; всѣ надежды возлагались на М.; на воспитаніе ея, повидимому, затрачивались всѣ средства. Но дѣвушка не обладала способностями и несмотря на все трудолюбіе и усидчивость училась посредственно. Въ VI-мъ классѣ ее должны были оставить на второй годъ. Такая неудача, повидимому, отразилась тяжело какъ на покойной, такъ и на ея семьѣ. Вполнѣ возможно, что родные позволяли себѣ рѣзкіе упреки, тяжесть которыхъ чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что дѣвушка по развитію и образованію стояла выше семьи; у ней уже могли быть интересы мало понятные окружающимъ. Бесѣдуя съ подругами, бывая у нихъ, покойная видѣла инныя условія жизни, иную обстановку; контрастъ съ собственнымъ положеніемъ рѣзко кидался въ глаза и долженъ былъ тяжело отражаться на самочувствіи. Неоднократно говорила она подругамъ, что ей очень не хочется возвращаться изъ гимназіи домой, такъ ей тамъ тяжело. Въ послѣднее время С., повидимому, особенно сильно реагировала на замѣчанія своихъ учителей. Одинъ изъ нихъ упрекнулъ ее однажды въ плохомъ знаніи урока, прибавивъ „обычная Вамъ и большинству класса болѣзнь“. Эта фраза не имѣла никакихъ реальныхъ послѣдствій, однако глубоко ее задѣла; С. жаловалась матери на притѣсненія со стороны учителя. Рѣшившись умерѣть, она наканунѣ исповѣдывалась и причастилась и съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ привела въ исполненіе свой планъ. Послѣ нея остались коротенькія записки въ роднымъ:

1. «Братья и сестры, не забывайте священнаго долга къ родителямъ и другъ другу».
2. «Попросите въ газетахъ не печатать (хотя для меня уже безразлично)».

3. «Неудача въ ученіи и отсутствіе смысла въ жизни. Благодарю за все. Простите. Прощайте».

Приведенными выше фактами очень мало выясняется характеристика покойной; глухо упоминается только объ ея слабыхъ способностяхъ, въ которыхъ преподаватели и видѣли причину ея малоуспѣшности. Но быть можетъ матеріальная необеспеченность и неудобства домашней обстановки играли большую роль? Мы не знаемъ основныхъ особенностей ума и характера дѣвушки, какими интересами она жила, какъ она понимала „смыслъ въ жизни“. Съ большой вѣроятностью однако слѣдуетъ допустить, что тяжелыя семейныя условія, ухудшившіяся послѣ неудачи въ школѣ, сдѣлали покойную крайне впечатлительной. Мимолетное замѣчаніе учителя, не отразившись ничѣмъ, между тѣмъ запало въ душу, оскорбило дѣвушку. По аналогіи слѣдуетъ думать, что подобныя непріятности, получаемыя дома, оказывали не менѣе рѣзкое вліяніе. И вотъ мало-по-малу назрѣваетъ мысль, что впереди нѣтъ никакого выхода изъ столь безотраднaго положенія; остается одно—покончить съ собой. „Нѣтъ смысла въ жизни“ пишетъ покойная. Эта фраза указываетъ, что несчастная искала смысла въ жизни, вѣроятно, обращалась съ этой цѣлью къ книгамъ. Но современная литература легче всего могла дать матеріаль только для отрицательнаго отвѣта.

XLV. О. П. 14 лѣтъ, ученица IV класса гимназіи, 21 января 1910 г. отравилась смѣсью уксусной эссенціи и карболовой кислоты; 23 января скончалась.

Покойная принадлежитъ, повидимому, къ психопатической семьѣ: три года тому назадъ застрѣлился ея родной братъ; старшая сестра, будучи еще гимназисткой, вышла замужъ противъ воли родителей. Отецъ велъ неправильный образъ жизни, что тяжело отражалось на всемъ строѣ семьи. П. училась удовлетворительно, никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣла. По отзыву близкихъ подругъ это была дѣвушка

эксцентричная; за нѣсколько дней до самоубійства она говорила о томъ, какъ хорошо умереть съ сознаниемъ, что гимназисты понесутъ гробъ, а гимназистки крышку гроба. Въ самый день самоубійства она была въ гимназiи по обыкновенiю веселая и живая.

По поводу этого факта можно только сказать, что по всей вѣроятности тутъ дѣло идетъ о невропатическомъ ребенкѣ, болѣзненные свойства котораго усилилась благодаря переживаемому возрасту (pubertas).

Въ текущей прессѣ въ настоящее время часто встрѣчаются рассказы о случаяхъ самоубійства среди учащихся. Эти рассказы не могутъ не западать въ душу неуравновѣшенныхъ молодыхъ людей, настроенiе которыхъ подѣ влиянiемъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ и безъ того рѣзко нарушено. Мысль о самоубiйствѣ легко приобрѣтаетъ большую привлекательность, становится болѣе заманчивой. Влiяние ежедневной печати, повидимому, сказывается и въ данномъ случаѣ.

XLVI. В. Б. 18 лѣтъ, ученица VI класса гимназiи, 24 янв. 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера нанесла себѣ тяжелую рану; 26 янв. скончалась.

Покойная происходитъ изъ психопатической семьи (ея мать страдала душевнымъ разстройствомъ), съ дѣтства отличалась нервностью, впечатлительностью; обладала замѣнутымъ, не общительнымъ характеромъ; физическое здоровье ея, вообще слабое, значительно ухудшилось послѣ перенесенной годъ тому назадъ тяжелой скарлатины, когда проявились, по свидѣтельству врача, признаки рѣзкаго малокровiя; одновременно съ этимъ усилилась ея обычная раздражительность. Въ гимназiи В. училась все время хорошо, вела себя безукоризненно. Мѣсяца за 3—4 до самоубiйства настроенiе покойной сдѣлалось особенно подавленнымъ; неоднократно она высказывала нежеланiе жить. Весь день 24 января она провела съ знакомыми, которыя не замѣтили въ ней ничего особеннаго; вечеромъ съ подругой вышла въ садъ гулять, была спокойна;

попросивъ спутницу отойти на минуту въ сторону, она выстрѣлила въ себя и съ врикомъ упала. Въ карманѣ Б. нашли двѣ лаконическія записки; одна содержала казенную фразу: „прошу никого не винить въ моей смерти,“ другая, адресованная домашнимъ, гласила: „теперь вы будете спокойны. Прощайте“.

Приведенные факты слишкомъ малочисленны, чтобы на основаніи ихъ можно было точно установить причины, вызвавшія самоубійство. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что врожденная слабость нервной системы здѣсь сыграла крупную роль; эта слабость подъ вліяніемъ упадка физическаго питанія безспорно должна была усилиться и сдѣлать дѣвушку особенно впечатлительной. Но какія именно впечатлѣнія въ данномъ случаѣ привели къ роковому концу, рѣшить трудно. Нѣкоторый намекъ на нихъ даетъ только записка къ роднымъ: можно догадываться, что существовали семейныя непріятности, которыя вѣроятно и дали послѣдній толчокъ, нарушившій психическое равновѣсіе. Б., умирая, высказывала желаніе жить и раскаивалась въ своемъ поступкѣ; отсюда можно думать, что тяжелое душевное состояніе носило преходящій характеръ, вполне понятный при той неустойчивости нервной системы, какой обыкновенно отличаются лица, принадлежащія къ психопатической семьѣ.

XLVII. Ш. Б. 12. л., ученикъ двухкласснаго училища, 4 февраля 1910 г. съ цѣлью самоубійства выпилъ нашатырнаго спирта; серьезныхъ послѣдствій попытка не имѣла.

Б. жилъ при очень неблагоприятныхъ семейныхъ условіяхъ; мать его, вышедшая въ третій разъ замужъ, не обращала на сына никакого вниманія. Мальчикъ росъ, предоставленный самому себѣ, забросилъ занятія, пристрастился къ различнымъ удовольствіямъ, вродѣ посѣщенія иллюзіоновъ, и часто доставалъ деньги, тайкомъ продавая фрукты изъ магазина отчима. Училище онъ посѣщалъ неаккуратно, постоянно ссорился съ товарищами. Передъ покушеніемъ онъ написалъ записку:

„Въ моей смерти я никого не виную, только Г. Ф. обманщики М. Д. и за которыхъ я взялъ себѣ жизнь“.

Упомянутые въ запискѣ товарищи ранѣе посѣщали Б. дома, но, узнавъ объ его поведеніи, рѣзко упрекали его и не хотѣли болѣе поддерживать знакомства. Вѣроятно подъ вліяніемъ такой размолвки и произошла попытка къ отравленію, которая имѣла мѣсто въ школѣ, на глазахъ у товарищей. По всей вѣроятности она носила чисто демонстративный характеръ.

XLVIII. А. Ч. 18 лѣтъ; ученикъ V класса гимназіи, 5-го февраля 1910 г. отравился нашатырнымъ спиртомъ; поправился.

Ч. поступилъ въ гимназію осенью 1909 г. прямо въ V классъ; по отзыву преподавателей онъ обладаетъ ограниченными способностями, но трудолюбивъ, беретъ памятью; съ товарищами мало сходится, тихъ, замкнутъ. 5 февраля, спрошенный преподавателемъ Закона Божьяго, онъ хорошо отвѣчалъ послѣдній урокъ, но предшествовавшего, заданнаго повторить, совершенно не зналъ, почему и получилъ отмѣтку три. Обиженный несправедливой, по его мнѣнію, оцѣнкой, Ч. изъ гимназіи зашелъ въ молочную лавку, гдѣ обратилъ на себя вниманіе удрученнымъ состояніемъ, и выпилъ тамъ купленный заранѣе нашатырный спиртъ; на вопросы окружающихъ, почему это онъ сдѣлалъ, отвѣчалъ, что ему не даютъ жить. Оправившись послѣ оказаннаго ему пособія, онъ объяснилъ, что товарищъ въ этотъ день отвѣчалъ хуже его и получилъ пять, къ нему же преподаватель отнесся несправедливо, что и вызвало у него чувство обиды, заставившее искать смерти. До того Ч. изучалъ Законъ Божій съ усердіемъ, посѣщалъ церковь и его отвѣты оцѣнивались балломъ не ниже четырехъ.

Въ этомъ фактѣ рѣзко кидается въ глаза полное несоотвѣтствіе между причиной и вызваннымъ ею слѣдствіемъ. Ч. учился удовлетворительно, получилъ 5 февраля удовлетворительную отмѣтку; никакихъ непріятныхъ замѣчаній ему не

было сдѣлано и тѣмъ не менѣе сознаніе обиды и несправедливости было такъ сильно, что заставило юношу рѣшиться на самоубійство. Единственное объясненіе такого несоотвѣтствія между полученнымъ впечатлѣніемъ и реакціей на него слѣдуетъ искать, повидимому, въ индивидуальныхъ особенностяхъ Ч., въ его чрезмѣрной впечатлительности. Откуда беретъ свое начало подобная впечатлительность, этотъ вопросъ приходится оставить безъ отвѣта за неимѣніемъ въ тому фактическаго матеріала.

XLIX. Е. З. 16 лѣтъ, ученица VII класса гимназіи, 8 февраля 1910 года сдѣлала попытку отравиться карболовой кислотой; поправилась.

Собранные при разслѣдованіи этого факта свѣдѣнія крайне скудны. Извѣстно только, что покушавшаяся отличнаго поведенія, могла рассчитывать на окончаніе курса, хотя ея успѣхи за послѣднее время значительно понизились. Условія семейной обстановки, личная жизнь дѣвушки совершенно неизвѣстны. Въ оставленной одной изъ подругъ запискѣ З. пишетъ:

«Уничтожь, пожалуйста, всѣ мои письма, не читая. Возьми у Г. мое обручальное кольцо и передай его А. С., конечно. Прощай. Будь счастлива. Причина моей смерти даже для меня непонятна. Просто должно быть до конца притворство, котораго, по выраженію мамы, у меня такъ много во всѣхъ моихъ поступкахъ. Такъ будетъ лучше».

Въ этой запискѣ имѣются, повидимому, намеки на романтическія отношенія и на недоразумѣнія съ матерью. Насколько онѣ имѣли значенія во всемъ событіи, судить трудно.

Л. Л. Ф. 16 лѣтъ, ученикъ V класса гимназіи, 8 февраля 1910 г. съ цѣлью самоубійства отравился какимъ-то ядомъ; поправился.

Причиной покушенія являются семейныя непріятности, вызванныя смертью матери и вторичной женитьбой отца. Подробности событія неизвѣстны, т. к. официального разслѣдо-

ванія не было произведено и администрація школы узнала о фактѣ только по частнымъ слухамъ.

ЛІ. А. З. ученикъ VI класса гимназіи, 16 февраля 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера пытался лишить себя жизни. Результатъ попытки—тяжелое поражение.

Изъ собранныхъ по этому дѣлу свѣдѣній видно, что З. жилъ при неблагоприятныхъ условіяхъ семейной жизни; между родителями его сложились тяжелыя отношенія; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мать хотѣла уѣхать съ вѣмъ то отъ своего мужа; послѣдній ее едва настигъ и удержалъ силой. Въ гимназіи З. первые годы учился прилежно; въ V классѣ прилежаніе его стало ослабѣвать; въ VI долженъ былъ остаться на второй годъ. Въ настоящемъ учебномъ году занятія шли въ общемъ удовлетворительно, только по русскому языку онъ имѣлъ двойку. По характеру своему З.—юноша нѣсколько нервный и впечатлительный, однако всегда державшій себя корректно; никакихъ непріятностей или столкновеній ни съ преподавателями, ни съ товарищами у него не было. Въ день покушенія онъ былъ по виду спокоенъ и даже веселъ. Послѣ покушенія настроеніе З. было очень подавленное; онъ не хотѣлъ говорить съ окружающими, проявлялъ рѣзкую раздражительность. Постепенно психическое состояніе улучшилось; больной выражалъ удовольствіе, когда его посѣщали, охотно вступалъ въ бесѣду, но причинъ, вызвавшихъ покушеніе, или старательно избѣгалъ касаться, или же если и упоминалъ о нихъ, то различнымъ лицамъ опредѣляя ихъ различно. Одному классному наставнику онъ категорически заявилъ: „это мой секретъ и я его никогда и никому не открою.“ Другому лицу онъ сообщил, что его побудили къ самоубійству неуспѣшность по русскому языку и пристрастное отношеніе къ нему преподавателя этого предмета.

Такимъ образомъ поводомъ къ самоубійству въ данномъ случаѣ могли явиться, какъ тяжелыя условія домашней обстановки, такъ и неудачи въ школьной жизни. По всей вѣроятности оба фактора вліяли своею совокупностью, но который изъ нихъ оказалъ болѣе рѣзкое дѣйствіе, сказать нельзя:

слишкомъ мало мы имѣемъ данныхъ для выясненія индивидуаль-
ныхъ свойствъ ума и характера юноши.

III. А. Ф. 19 лѣтъ, ученица VI класса гимназіи, 28
февраля 1910 г., покушаясь на самоубійство, выстрѣломъ изъ
револьвера нанесла себѣ легкую рану въ грудь.

Отца у Ф. нѣтъ; мать мелкая торговка на базарѣ, жен-
щина неграмотная, по характеру неуживчивая и грубая,
очень сурово обращается съ дочерью, не останавливается и
передъ побоями, не стѣсняясь ни возрастомъ дѣвушки, ни
мѣстомъ; бывали случаи, когда она была дочь даже на улицѣ.
Въ прошломъ году послѣ одной изъ ссоръ съ матерью Ф.
пыталась отравиться, но была во время остановлена. Въ гим-
назіи Ф. отличалась безукоризненнымъ поведеніемъ, училась
достаточно хорошо, оказывая особенные успѣхи въ гуманитар-
ныхъ наукахъ; только математическія способности ея были
слабы, такъ что въ VI классѣ она должна была остаться на
второй годъ. Этотъ фактъ вначалѣ произвелъ на нее очень
тяжелое впечатлѣніе, потомъ же она оправилась и училась
вполнѣ успѣшно. Съ V-го класса преподаватели и подруги
стали замѣчать, что Ф. часто находилась въ очень угнетен-
номъ настроеніи, съ видимымъ равнодушіемъ относясь ко всему
окружающему. Дома она много времени посвящала чтенію
классическихъ авторовъ, за которыми проводила цѣлыя ночи,
такъ какъ днемъ мать вырывала изъ рукъ ея книгу, если
узнавала, что это не учебникъ. Передъ попыткой къ само-
убійству Ф. два дня провела со своими знакомыми, которые
не замѣтили въ ней ничего особеннаго; только мать и сестры,
особенно первая, отмѣчаютъ, что она была слишкомъ грустна,
уединялась и крайне неохотно, даже съ раздраженіемъ отвѣ-
чала на вопросы. Передъ самымъ выстрѣломъ она отослала
одной изъ своихъ подругъ общую тетрадь, гдѣ вела дневникъ,
и записку, въ которой жаловалась, что родные ее притѣс-
няютъ. Послѣ выстрѣла Ф. объяснила свой поступокъ общимъ
недовольствомъ жизнью: „за каждую свѣтлую минуту прихо-
дится платить горемъ и разочарованіемъ“. Ходили слухи о
какой-то романической исторіи, но сама дѣвушка категориче-
ски ее отрицала, заявивъ, что изъ-за такихъ пустяковъ не
стала бы стрѣляться.

Дневникъ Ф. содержитъ много подробностей, ярко характеризующихъ душевное состояніе дѣвушки. Ф. пишетъ, что она влюбилась въ человѣка, съ которымъ вначалѣ даже не была знакома; образъ этого юноши носился постоянно передъ ея глазами, мѣшалъ ей сосредоточить мысли на какой-нибудь книгѣ; она начала являться въ гимназію, не приготовленная къ отвѣту, и получала дурныя отмѣтки. Когда наконецъ Ф. удалось познакомиться съ юношей, она узнала, что ея идеаль относится къ ней дурно, что онъ любитъ другую. Съ этимъ фактомъ Ф., впрочемъ, быстро примиряется, желаетъ счастья соперницѣ, хотя настроеніе ея дѣлается уже болѣе подавленнымъ. Но видимо неудача въ любви не сломила бы дѣвушку, не привела бы ее къ рѣшимости покончить съ собой, если бы не крайне тяжелая домашняя обстановка.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ дневника Ф.:

«15 декабря. Опять эти непріятности. Онѣ на наряды деньги тратятъ, а я во всѣмъ виновата. Господи, и когда эта мука кончится; эта пытка заставить меня рѣшиться сдѣлать то, что я задумала. Боже мой! Какъ я несчастна! У нихъ непріятности,—я должна быть козломъ отпущенія. За что, за что терпѣть и страдать! Какъ я ихъ ненавижу! Желая имъ всякихъ бѣдъ и золь! Нервы разстроены въ конецъ. Какъ тяжело! Я права, а онѣ обвиняютъ меня въ несуществующихъ на меня расходахъ. Хотъ бы скорѣе кончить гимназію и подалеже отъ нихъ, какъ можно дальше, иначе едва-ли дотяну годъ. Только надежда избавиться отъ нихъ поддерживаетъ меня, а иначе не сдобровать бы мнѣ. А въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли жить? При такой обстановкѣ, при такихъ условіяхъ едва-ли животное способно выжить, а не то человѣкъ. Больно, что не вѣрятъ мнѣ ни въ чемъ, хотя слово лжи никогда не оскверняло мои уста. Напали сегодня: «чего не была въ гимназіи»? Говорю, что была, не вѣрятъ. Вѣдь во вторникъ два урока, не вѣрятъ. Что я за несчастная!.. Господи, пошли смерть, спаси меня! А какъ хочется быть любимой, любить, жить со всѣми въ мирѣ! Но развѣ это возможно!..

О, какъ хочется рыдать, кричать, умолять всѣхъ о чемъ то, о чемъ сама не знаю. Какъ хочется счастья, настоящаго счастья, но гдѣ оно, какъ его искать!

7 января 12 ч. ночи. Чего я плачу, не знаю. Что такъ сердце болитъ? Предчувствую несчастье. Такъ надоѣло жить, что молю Бога послать мнѣ смерть. Если еще разъ повторится вчерашній и сегодняшній случай, то я не колеблясь покончу съ собой. Вѣдь это такъ легко сдѣлать и удобно... А какое блаженство лежать и не знать ничего, не слушать ихъ.... Жить не хочу!

12 янв. За последнее время думаю, какая смерть легче, отравиться, застрѣлиться или повѣситься....

Въ моей смерти прошу никого не винить. Надоѣло жить, вѣрнѣе прозябать. Ничего хорошаго не жду въ будущемъ кромѣ страданій. А я уже достаточно страдала. Привѣтствую трехъ друзей, желаю имъ счастья и поменьше того, что перенесла я. Желаю, чтобы ихъ путь былъ усѣянъ розами, но только безъ шиповъ. Прощайте!»

Ф. жила въ крайне неблагопріятной семейной обстановкѣ: матеріальныя лишенія, мать—уличная торговка со всѣми особенностями этого типа, сестры—также видимо недалеко ушедшія отъ матери,—вотъ условія, окружавшія дѣвушкю. Ребенкомъ она быть можетъ считала ихъ вполне нормальными; но въ гимназій, сойдясь съ подругами, бывая у нихъ, она познакомилась съ иной жизнью, съ иными взглядами, иными семейными отношеніями. По мѣрѣ того, какъ Ф. росла и развивалась, контрастъ между жизнью, какую она вела, и той, которую видѣла вокругъ и о какой читала, становился все рѣзче, все осязательнѣе. Не даромъ же съ V-го класса въ настроеніи ея замѣчаютъ рѣзкую перемѣну. Единственныя отрадныя минуты дома она переживала за чтеніемъ, но за нихъ приходилось расплачиваться тяжелой цѣной оскорбленій, даже побоевъ: „за каждую свѣтлую минуту приходится платить горемъ“. Переносить грубое обращеніе матери дѣлалось все труднѣе и труднѣе. Невольно явилась мысль о смерти, какъ объ единственномъ выходѣ изъ тяжелаго положенія. Отсюда—неоднократныя попытки покончить съ собой.

ЛІІІ. Ф. П. 16 лѣтъ, ученикъ IV класса реального училища, 8-го марта 1910 г. повѣсилъ на себѣ цѣльбу самоубійства; былъ вынутъ изъ петли мертвымъ.

Повойный происходитъ изъ достаточной, но мало интеллигентной семьи; родители его, люди простые, очень любили сына, не отказывали ему ни въ чемъ и гордились тѣмъ, что онъ учится въ реальномъ училищѣ. Мальчикъ обладалъ хорошими способностями, оказывалъ въ общемъ удовлетворительные успѣхи, легко исправляя собственными силами двойки, которыя время отъ времени получалъ; характера онъ былъ

веселаго, общительнаго, но обращалъ на себя вниманіе рѣзкими колебаніями настроенія, среди веселыхъ игръ, напри- мѣръ, легко обижался при самомъ ничтожномъ поводѣ. Неза- долго до самоубійства преподаватель Закона Божьяго обѣ- щалъ ему поставить двойку въ четверти за его разговоры съ сосѣдями во время урока. По словамъ товарищей П. первое время отнесся къ этой угрозѣ довольно спокойно, смѣялся надъ ней. Весь день до самоубійства онъ былъ веселъ, какъ въ гимназій, такъ и дома, вечеромъ игралъ съ дѣтьми, а по- томъ, написавъ въ своей комнатѣ нѣсколько записокъ, неза- мѣтно для домашнихъ вышелъ въ сарай, гдѣ и повѣсился.

Вотъ записки, оставленныя имъ:

1. Я умеръ, потому что не могъ переносить ударовъ, даже мелкихъ. Я былъ слабоволенъ. Послѣднимъ моимъ доканателемъ былъ батюшка, ни за что поставившій двойку въ четверти.

2. Нашему классу. Господа, не поступайте такъ, какъ поступилъ я, это глупо. Но я не могъ, я былъ нравственный уродъ, а съ жизнью надо бороться. Такъ слушайте, господа, примите отъ меня ради моей смерти слѣ- дующее: сидите тихо на французскомъ и нѣмецкомъ, смотрите же ради *смерти* и если можно отомстите батюшкѣ.

3. Вы мои родители, что посѣяли то и пожнете. Вы не умѣли меня воспитать нравственно, вотъ плоды этого. Берегите Андрея, онъ у насъ не хладнокровенъ. Отецъ люби и уважай всѣхъ ровно».

Судя по приведеннымъ даннымъ П. былъ мальчикъ, черезчуръ сильно реагировавшій на получаемыя имъ впечат- лѣнія; настроеніе его поэтому представляло рѣзкія колебанія; среди веселой игры онъ легко впадалъ въ аффектъ гнѣва, который настолько не соответствовалъ вызвавшей его при- чинѣ, что тѣмъ обращалъ на себя вниманіе даже дѣтей. Та- кого рода врожденныя свойства характера могутъ въ значи- тельной степени сглаживаться подъ вліяніемъ соответствующаго воспитанія. П. однако росъ въ средѣ простыхъ людей, которые были въ состояніи заботиться по преимуществу, если не исключительно, лишь о физическомъ развитіи своего сына. Поэтому съ годами болѣзненные свойства ума и характера выступали болѣе и болѣе наглядно; особенной рѣзкости они должны были достигнуть въ періодъ *pubertatis*, когда именно и произошла катастрофа. Любопытны въ этомъ отношеніи

записки, оставленные покойнымъ; въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, ярко отражается вся психическая жизнь нервнаго ребенка, тяжело переживающаго біологическую фазу своего развитія. Съ одной стороны мы въ нихъ находимъ, какъ предсмертный завѣтъ товарищамъ, наивные, совершенно дѣтскіе совѣты сидѣть тихо на урокахъ нѣмецкаго и французскаго языковъ (преподаватели которыхъ видимо пользовались благосклонностью писавшаго), съ другой — мы встрѣчаемъ наставленія взрослому человѣку своимъ родителямъ, какъ слѣдуетъ воспитывать младшаго брата, указанія на неправильность собственнаго воспитанія, упреки за это П., повидимому, строго относится къ себѣ, называетъ себя нравственнымъ уродомъ, караетъ за это и въ то же время проситъ товарищей отомстить батюшкѣ — „послѣдному доканателю“. Передъ нами рѣзкая дисгармонія, пестрая смѣсь взаимныхъ противорѣчій, несомѣстимыхъ противоположностей. Подобнаго рода дисгармонію мы обычно можемъ наблюдать въ психической жизни дѣтей, переживающихъ эпоху возмужалости; но у дѣтей съ невропатической конституціей она достигаетъ особенной рѣзкости. На этой почвѣ каждый ничтожный уколъ самолюбія, мелкое нарушеніе интересовъ могутъ оказать глубокое вліяніе, повести къ тяжелымъ послѣдствіямъ. У П. отмѣтка по Закону Божьему была удовлетворительна, но батюшка обѣщаль вывести двойку въ четверти за дурное поведеніе въ классѣ; этого было достаточно, чтобы обида за несправедливость запала въ душу и въ связи съ подобными же другими вызвала рѣшеніе покончить съ собой.

LIV. А. Б., ученица VII класса гимназіи, 11 марта 1910 г. выпила нашатырнаго спирта; поправилась.

Б. происходитъ изъ недостаточной семьи, аттестована гимназіей, какъ ученица среднихъ способностей и лѣнивая; въ третьей четверти она получила двойку и единицу по геометріи, по которой имѣла ранѣе четыре и три. Отецъ — чело-

вѣкъ очень грубый—по поводу плохихъ отмѣтокъ сказалъ дочери, что убьетъ ее, если та не окончитъ курса. Послѣ этого Б. пыталась отравиться, объяснивъ матери, что предпочитаетъ смерть отъ своей руки, чѣмъ отцовской.

За неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ, которыя характеризовали бы психическую личность дѣвушки, высказаться съ желательной опредѣленностью о мотивахъ самоубійства невозможно. Повидимому здѣсь имѣли большое вліяніе какъ плохіе успѣхи въ гимназіи, такъ и домашнія непріятности.

LV. Л. С. 17 лѣтъ, ученикъ городского училища, 11 марта 1910 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись изъ револьвера.

Покойный принадлежалъ къ очень бѣдной семьѣ: его мать—вдова, учительница въ деревнѣ, должна была содержать всѣхъ своихъ дѣтей. Сначала С. учился въ духовномъ училищѣ, затѣмъ перешелъ въ городское. Вездѣ онъ оказывалъ очень плохіе успѣхи, посѣщая школу крайне неаккуратно; долго болѣлъ плевритомъ; всегда отличался хорошимъ поведеніемъ. Въ концѣ февраля мать С. подала прошеніе объ увольненіи сына изъ училища, такъ какъ онъ хотѣлъ поступить въ гимназію.

Въ карманѣ покойнаго нашли записку слѣдующаго содержанія:

«Прошу въ моей смерти никого не винить. Я застрѣлился самъ по своей волѣ и своему желанію. Сильно въ послѣднее время я разочаровался въ жизни. Главная же причина, которая заставила меня наложить руки на себя—это очень плохое матеріальное положеніе моихъ родственниковъ, которые не могли помочь мнѣ и дать на репетитора. Раньше имѣлъ это сдѣлать, но надежда на что то лучшее заставляла меня откладывать это рѣшеніе. Мама моя,—учительница въ деревнѣ и не имѣетъ никакихъ средствъ не только помогать мнѣ, но даже помогать моему брату—студенту и сестрѣ курсисткѣ. Поэтому я рѣшилъ это сдѣлать и облегчить себя и всѣхъ».

Только что приведенное письмо несмотря на всю его кроткость ярко рисуетъ тяжелую драму, какую пришлось пережить несчастному юношѣ. Въ семьѣ С. было очевидно

стремленіе къ знанію и высшему образованію; слѣдуя при-
мѣру старшихъ, С. также мечталъ о гимназіи, университетѣ,
но не было денегъ на репетиторовъ, а тутъ еще тяжелая
болѣзнь, унесшая послѣднія силы. Мысль о самоубійствѣ
подкрадывалась уже давно, но юноша все надѣялся на что то
лучшее. Наконецъ онъ убѣдился, что образованіе для него
недоступно; мало того, требуя для себя средствъ, онъ мѣшалъ
брату и сестрѣ. Отсюда выводъ—вычеркнуть себя изъ числа
живущихъ и тѣмъ облегчить участь какъ свою, такъ и своихъ
близкихъ.

LVI. Н. О., ученикъ IV класса гимназіи, 17 марта 1910 г.,
во время перемѣны сдѣлалъ попытку отравиться стрихниномъ;
благодаря медицинскому пособію попытка не повлекла за
собою дурныхъ послѣдствій.

О. мальчикъ очень способный, но нѣсколько лѣнивый;
по характеру это—субъектъ живой, даже жизнерадостный,
но нервный, подчасъ капризный. Успѣхи его выше среднихъ
и только въ послѣдней четверти по географіи онъ получилъ
двойку. Отецъ О., аптекарь, очень строго воспитываетъ сына;
опасаясь дурного вліянія товарищей, онъ даже не пускаетъ
его одного изъ дому, требуетъ серьезныхъ занятій и бываетъ
очень недоволенъ дурными отмѣтками. Наканунѣ покушенія
онъ имѣлъ съ сыномъ объясненіе по поводу предполагаемой
двойки. Самое покушеніе произошло при слѣдующихъ обстоя-
тельствахъ. Въ перемѣну между первымъ и вторымъ уроками
О. пришелъ въ комнату смежную съ учительской и началъ
плакать; на вопросъ инспектора о причинѣ слезъ онъ отвѣ-
тилъ, что ему поставлена изъ географіи въ четверти двойка
и притомъ несправедливо и неожиданно для него, такъ какъ
послѣднимъ удачнымъ отвѣтомъ были заглажены прежніе про-
бѣлы. Узнавъ подробности дѣла отъ преподавателя, инспекторъ
объяснилъ мальчику, что недавняя отмѣтка отнесена къ теку-
щей четверти, но что О. не слѣдуетъ беспокоиться, такъ какъ
его баллы за первыя двѣ четверти удовлетворительны, а за
послѣднюю онъ также имѣлъ уже хорошую отмѣтку. Маль-
чикъ повидимому успокоился, но въ слѣдующую перемѣну

инспекторъ снова замѣтилъ его въ той же комнатѣ и также крайне удрученнымъ. На вопросъ, почему не идешь въ классъ О. грубо отвѣтилъ: „не пойду..., мнѣ все равно,“ и поспѣшно началъ класть въ ротъ какую то массу, которую держалъ въ рукахъ. На дальнѣйшіе разспросы онъ сообщилъ, что отравился стрихниномъ, остатки котораго, равно какъ и пирожное, обсыпанное кристаллами яда, онъ немедленно отдалъ. Сейчас же вызванный врачъ сдѣлалъ промываніе желудка, послѣ чего О. успокоился и выразилъ даже желаніе оставаться на дальнѣйшихъ урокахъ.

Изъ приведенныхъ подробностей видно, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о мальчикѣ крайне нервномъ, боявшемся строгаго отца. Бесѣда съ отцомъ по поводу предполагаемой двойки такъ напугала О., что онъ пришелъ къ мысли отравиться и съ этой цѣлью досталъ изъ аптеки стрихнинъ. Умирать однако ему не хотѣлось; обычный жизнерадостный характеръ взялъ верхъ, и мальчикъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку, пошелъ въ гимназію и тамъ выяснилъ инспектору свое тяжелое положеніе. Реальныхъ послѣдствій эта попытка не принесла и тогда О. принялъ ядъ. Но тутъ рѣшимость оставила его; онъ началъ выплевывать отравленное пирожное, отдалъ ядъ инспектору и охотно подчинился мѣрамъ, какія были предприняты для его спасенія. Повидимому такое отношеніе и дало поводъ какъ отцу, такъ и инспектору заподозрить здѣсь только симуляцію, желаніе напугать окружающихъ и тѣмъ избавиться отъ грозившаго наказанія. Съ такимъ взглядомъ однако врядъ ли можно согласиться. О., какъ сынъ аптекаря, взялъ ядъ съ выборомъ; онъ не могъ не знать, что ничтожнаго количества стрихнина достаточно, чтобы убить человѣка. Если онъ нуждался только въ демонстраціи, ему удобнѣе было ограничиться болѣе невиннымъ средствомъ, при которомъ вся опасность для жизни могла бы быть сведена до минимума. Вѣрнѣе допустить, что впечатлительный мальчикъ имѣлъ серьезное намѣреніе покончить съ собой, но это намѣреніе, противорѣчившее основнымъ чертамъ характера,

не отличалось стойкостью и мальчикъ, искренне рѣшившись на самоубійство, такъ же искренне желалъ потомъ, чтобы его спасли отъ смерти.

LVII. И. К. воспитанникъ учительской семинаріи, 22 марта 1910 г., утопился, желая покончить съ жизнью.

К. очень хорошо учился, былъ прекраснаго поведенія, среди товарищей пользовался большимъ вліяніемъ и уваженіемъ, но всегда обращалъ на себя вниманіе грустнымъ видомъ, подавленнымъ настроеніемъ. Окружающіе объясняли такое настроеніе тяжелыми матеріальными условіями, въ которыхъ жила семья К.; на самомъ дѣлѣ однако оно зависѣло отъ его болѣзни: К. съ дѣтства страдалъ усиленнымъ половымъ влеченіемъ, проявлявшемся весьма различными способами и дѣйствовавшимъ на него крайне угнетающимъ образомъ. Лучшее всего можно понять тяжелую борьбу, которую пережилъ К., изъ его письма, адресованнаго директору семинаріи; эта борьба надорвала силы юноши и заставила его искать облегченія въ смерти.

Вотъ это письмо:

«Многоуважаемый А. И. ухожу съ искреннимъ чувствомъ глубокой благодарности къ Вамъ за Вашу отеческую, мягкую ласку, которую Вы проявили по отношенію ко мнѣ. Вы слышали крикъ моей изстрадавшейся души, Вы видѣли горькія слезы. О многомъ онѣ говорили Вамъ, но всего онѣ не могли сказать. Вся жизнь моя была страшной мукой и представляла безконечный рядъ оскорбленій, которыя я наносилъ самому себѣ. Съ 5-лѣтняго возраста до 19 лѣтъ я былъ подверженъ этому бессмысленному гадкому пороку—онанизму. Будучи въ дѣтствѣ глубоко религіознымъ, я страдалъ, бичевалъ себя за свои поступки и вмѣстѣ съ тѣмъ повторялъ тѣ же поступки опять и опять. Способы къ удовлетворенію животной потребности были весьма разнообразны. О, мой больной разумъ былъ весьма изобрѣтателенъ въ этомъ отношеніи. Въ дѣтствѣ мнѣ не чуждо было даже скотоложество.. Вся эта гадость сильно возмущала мою раздробленную въ клочья душу, но страсть была слишкомъ сильна, и я увѣренъ, что несу наслѣдственное возмездіе, которое такъ неумолимо, беспощадно терзало все мое существо. Я страшно, упорно боролся со своей страстью, но ни къ какимъ хорошимъ результатамъ не могъ прийти, такъ какъ боролся противъ того, чѣмъ я долженъ былъ сдѣлаться въ силу закона необходимости и борьба моя была противоположной.

Четыре мѣсяца тому назадъ страсть нашла себѣ новый исходъ—разратъ, самый безстыдный, пошлый развратъ. Никакихъ постороннихъ вліяній

рѣшительно не было; я погружался въ развратъ вполне сознательно: весь разумъ, всѣ чувства, вся воля направлялась къ одной цѣли удовлетворить половую похоть. Послѣ преступленія я изнывалъ въ тяжкихъ мукахъ, но что наиболѣе важно, въ моемъ самоубицествѣ никогда не было искренняго раскаянья; преступныя мысли, преступныя чувства, какъ червячки, точили мою больную душу и наполняли ее грязью, гноемъ, уничтожая въ ней все хорошее, свѣтлое. Нѣтъ! жить больше не надо было; я не хотѣлъ превратиться окончательно въ послѣдняго раба страсти, въ самое отвратительное животное, пресмыкающееся, ползающее у ногъ страсти...

Если я уйду отъ жизни, то только лишь потому, что люблю жизнь, но жизнь осмысленную, разумную, имѣющую красоту, силу, а не жизнь ничтожнаго раба, гадкаго животнаго, для котораго духовной, красивой, разумной жизни не существуетъ. Я счелъ нужнымъ обнаружить причины моего самоубицества именно передъ Вами и надѣюсь, что Вы поймете весь трагизмъ моей души и не пошлете мнѣ вслѣдъ тѣхъ осужденій и укоровъ, которые посыпятся со всѣхъ сторонъ. Такія осужденія и укоры будутъ необдуманными.

Р. С. Успокойте, если сможете, родныхъ; пусть они узнаютъ обо всемъ послѣдними. Уважающій Васъ И. К.

Мы знаемъ, что усиленное половое влеченіе, развившееся въ возрастѣ ранняго дѣтства, обыкновенно указываетъ на глубоко дегенеративную почву, однимъ изъ симптомовъ которой оно является. Съ полнымъ правомъ поэтому можно думать, что въ данномъ случаѣ самоубицество было вызвано болѣзненнымъ состояніемъ.

LVIII. Н. Л. 20 лѣтъ, ученица VII класса гимназіи, въ ночь на 2-ое апрѣля 1910 года отравилась нашатырнымъ спиртомъ; черезъ четыре дня скончалась.

Л. сначала училась въ епархіальномъ училищѣ, оттуда поступила въ гимназію прямо въ пятый классъ. По отзыву гимназическаго врача съ физической стороны она представляла явленія рѣзкаго малокровія; въ психической сферѣ врачъ отмѣтилъ постоянно удрученное настроеніе, стремленіе отделяться отъ подругъ. Въ VII классѣ Л. училась плохо, такъ что преподаватель русскаго языка предупредилъ ее, что она не будетъ допущена къ экзамену. Это извѣстіе, по мнѣнію подругъ Л. и матери ея, и послужило поводомъ къ самоубицеству.

Покойная оставила слѣдующее письмо:

«Дорогіе папочка и мамочка, цѣлую Васъ крѣпко, крѣпко, прощаюсь съ Вами заочно. Собиралась, кажется, сказать очень много, но приступивъ къ письму—совершенно теряюсь. Простите, что доставила такъ много заботъ и горя, но это послѣднія. Не могу выразить все то, что я пережила, да и къ чему перечислять? Я всегда была несчастной, хотя въ большинствѣ случаевъ это скрывала: собственно говоря я не старалась скрывать, а только не старалась проявлять. Самыя счастливыя минуты въ моей жизни были въ тотъ моментъ, когда я рѣшила умереть; счастливыя минуты я не помню. Папочка, Вы болѣе мужественны, утѣшайте маму. Мамочка, не плачь! Мамочка, если любишь меня не эгоистичной любовью матеря, то ты не станешь плакать; утѣшай себя тѣмъ, что я теперь счастлива. Мамочка, прости меня: я не виновата и никто не виноватъ. Я не виновата потому, что, хотя бы въ угоду Вамъ, хотѣла протянуть свое существованіе и П. И. тоже не виноватъ. Мамочка, ну не плачь же, мамочка милая, дорогая, изъ за тебя я только жила. Простите. Папочка, цѣлую всѣхъ крѣпко. Такъ гаснетъ маленькая жизнь! Не плачьте же. Умерла потому, что не хочу жить. М. цѣлую тебя крѣпко, не плачь, утѣшай маму».

Это письмо ярко обрисовываетъ намъ тяжелое душевное состояніе дѣвушки. Изъ него мы видимъ также, что Л. уже давно боролась съ мыслью о самоубійствѣ и только любовь къ матери препятствовала ей привести свое намѣреніе въ исполненіе. Но какія причины вызвали столь глубокое нарушеніе настроенія? На этотъ вопросъ въ письмѣ мы не находимъ отвѣта. Правда, тутъ есть фраза: „и П. И. (иниціалы учителя русскаго языка) тоже не виноватъ“. Этой фразой ясно указывается, что непосредственнымъ поводомъ явилась неудовлетворительная отмѣтка, которая повлекла за собою оставленіе на второй годъ. Но почему же покойная занималась плохо въ теченіе года, если она такъ чутко реагировала на оцѣнку своихъ успѣховъ? Почему она не могла пробыть лишній годъ въ гимназіи, когда извѣстно, что родители ея люди съ достаткомъ? Вѣдь не могла же она бояться рѣзкихъ упрековъ и тяжелыхъ сценъ въ семьѣ; изъ письма видно, какъ любила Л. своихъ родителей и какъ была увѣрена въ ихъ привязанности къ себѣ. Отчего она пишетъ: „я всегда была несчастной... Самыя счастливыя минуты въ моей жизни

были тѣ, когда я рѣшила умереть“.... Точный отвѣтъ на все эти вопросы мы могли бы дать лишь при томъ условіи, если бы намъ была извѣстна психическая личность покойной, ея семейная обстановка и общественныя отношенія.

ЛІХ. Э. С. 14 лѣтъ, ученица V класса гимназіи, 3-го апрѣля 1910 г. выпила карболовой кислоты и вскорѣ скончалась.

Покойная, круглая сирота, жила у своего дяди, на счетъ котораго и воспитывалась. Въ гимназіи училась успѣшно, никакихъ непріятностей въ школѣ не имѣла. Въ день происшествія дядя нашелъ у нея въ столѣ карболовую кислоту и за обѣдомъ спросилъ, зачѣмъ она приобрѣла ядъ. С. отвѣчала молчаніемъ. Тогда дядя сказалъ: „если ты хочешь отравиться, то уѣзжай отъ насъ сегодня же; я тебя пароходомъ отправлю къ сестрѣ“. Вскорѣ послѣ этого разговора С. вышла во дворъ и тамъ выпила карболовую кислоту, которую снова откуда то достала.

Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о личности С., ни объ отношеніи къ ней родныхъ. По всей вѣроятности дядя тяготился своей питомицей и не скрывалъ этого отъ послѣдней; несчастная, не видя иного исхода, рѣшила покончить счеты съ жизнью.

ЛХ. Н. К. 17 лѣтъ, ученикъ V класса гимназіи, въ ночь на 4 апрѣля 1910 г. повѣсился съ цѣлью самоубійства; былъ вынутъ изъ петли мертвымъ.

К. происходитъ изъ семьи, отягченной наследственностью: дяди по матери кончилъ жизнь самоубійствомъ, двоюродный братъ отца также; родной братъ отца алкоголикъ. По словамъ отца К. былъ мальчикъ веселый, жизнерадостный, съ 1 же апрѣля рѣзко измѣнился, осунулся, ходилъ опустя голову, какъ бы не зная куда дѣваться. Такая перемѣна въ настроеніи совпала съ полученіемъ отъ директора гимназіи извѣстія, что если К. не исправится въ поведеніи, то будетъ уволенъ. Отецъ добавилъ, что дома его сынъ часто жаловался

на учителей, которые относятся къ нему несправедливо, ставят дурные баллы даже за удачные отвѣты. 3 апрѣля К. явился на праздникъ древонасажденія, но директоръ, увидя на немъ черныя, а не сѣрыя брюки, приказалъ удалиться и до вечера не выходить изъ дому. Черезъ нѣсколько времени мальчикъ, надѣвъ пальто, снова пытался принять участіе въ праздникѣ, но также безуспѣшно—надзиратель не позволилъ. Распоряженіе директора было сдѣлано въ присутствіи учениковъ и повидимому въ довольно рѣзкой формѣ. Потерпѣвъ неудачу на одномъ праздникѣ, К. хотѣлъ повеселиться на другомъ—вольно-пожарнаго общества, членомъ котораго состоялъ и которое въ этотъ вечеръ праздновало годовщину своего основанія. Но ему не повезло и тутъ: отецъ, косо смотрѣвшій на увлеченіе сына пожарнымъ дѣломъ, вечеромъ пришелъ за нимъ и увелъ домой, дѣлая по дорогѣ рѣзкія замѣчанія, называя мерзавцемъ, упрекая, что его выгнали изъ гимназіи, грозя прибѣгнуть къ помощи полиціи, чтобы запретить посѣщеніе общества. Вообще отецъ былъ такъ взволнованъ, что сынъ просилъ его не дѣлать скандала на улицѣ. Наканунѣ, т. е. 2 апрѣля К. былъ удаленъ директоромъ изъ гимназіи за то, что читалъ ученикамъ бумагу, которою его отецъ предупредилъ о возможномъ удаленіи сына. Директоръ предполагалъ, что эту бумагу мальчикъ тайкомъ взялъ у отца, между тѣмъ она была дана ему намѣренно, дабы, показывая товарищамъ, онъ могъ объяснить, почему долженъ держать себя крайне осторожно. Этотъ фактъ послужилъ причиной объясненія отца съ директоромъ, причемъ первый обѣщалъ взять сына изъ гимназіи послѣ лѣта и просилъ пока не исключать. Ко всему этому отецъ К. добавилъ, что его сынъ очень самолюбивъ и неоднократное удаленіе его изъ гимназіи да притомъ, какъ ему передавали служителя, съ бранью, могло его очень волновать и обижать. Мать К. сообщила, что еще ранѣе, въ мартѣ, ея сынъ однажды пришелъ изъ гимназіи крайне разстроенный и, взявъ ружье, хотѣлъ застрѣлиться, но сестра предупредила несчастье. Онъ тогда объяснилъ, что начальство гимназіи несправедливо обвинило его въ какой то шалости, въ которой онъ совершенно не принималъ участія, не будучи даже въ тотъ день въ классѣ.

Постороннія лица, напр. начальникъ пожарной команды, характеризуютъ покойнаго, какъ мальчиба чрезвычайно само-

любиваго, но жизнерадостнаго и всегда веселаго; вечеромъ же 3 апрѣля онъ обращая на себя общее вниманіе своимъ подавленнымъ настроеніемъ. Инспекторъ гимназіи аттестуетъ К., какъ ученика неподатливаго на всѣ воздѣйствія школы, своевольнаго, непокорнаго; такія особенности онъ объясняетъ психической ненормальностью, которая въ свою очередь зависѣла отъ неблагопріятной семейной обстановки: между отцомъ и матерью—постоянный разладъ, благодаря чему родители совершенно утратили свой авторитетъ въ глазахъ сына.

Въ кондуитномъ спискѣ, приложенномъ къ дѣлу, мы находимъ рядъ замѣтокъ о поведеніи К., идущихъ въ хронологическомъ порядкѣ за все время его пребыванія въ гимназіи. Эти замѣтки представляются крайне интересными. Онѣ помогаютъ создать истинное представленіе о психической личности погибшаго.

Въ приготовительномъ классѣ К. характеризуется какъ мальчикъ шаловливый, разсѣянный, склонный къ возраженіямъ, но способный къ ученію. Въ первомъ классѣ онъ назывался за мелкія шалости въ школѣ и на улицѣ (толкаетъ товарищей, ѣстъ конфеты въ классѣ и т. п.); во второмъ классѣ былъ два раза наказанъ за бѣганье и крикъ во время перемѣны и за самовольный уходъ съ урока; въ третьемъ классѣ—подобнаго же рода школьныя продѣлки. Съ четвертаго класса нарушенія дисциплины учащаются, но продолжаютъ носить обычный дѣтскій характеръ: то К. опаздываетъ на урокъ, то подставляетъ ногу товарищу, то позволяетъ себѣ неумѣстныя и дерзкія замѣчанія. За четвертый классъ въ списокъ занесено всего десять замѣтокъ. Въ пятомъ классѣ замѣтки дѣлаются еще болѣе частыми: К. опаздываетъ на урокъ, не приходитъ во время на молитву, не обращаетъ должнаго замѣчанія на сдѣланные ему выговоры; старается, резонирруя, оправдать себя даже и тогда, когда его виновность была очевидна; на урокахъ вель себя безпокойно; иногда дрался съ товарищами. По словамъ класснаго наставника нѣкоторыя выходки его носили „злостный“ характеръ, напр. нанесеніе побоевъ товарищу.

Учился въ общемъ К. удовлетворительно, но только въ первыхъ трехъ классахъ; начиная съ четвертаго его успѣхи понизились, такъ что въ четвергомъ и пятомъ онъ оставался

по два года; въ 1909—1910 учебномъ году онъ также имѣлъ въ послѣдней четверти четыре двойки.

Интересныя свѣдѣнія о К. даетъ врачъ гимназіи. Онъ говоритъ, что семейныя условія сложились для К. очень неблагоприятно: отецъ и мать не имѣли для него должнаго авторитета и онъ росъ совершенно лишенный нравственной поддержки; такъ какъ родители не обращали должнаго вниманія на развитіе его духовныхъ силъ, то онъ мало по малу какъ бы отдѣлился отъ семьи. По характеру это былъ мальчикъ съ практическимъ умомъ, не имѣвшій склонности къ изученію теоретическихъ наукъ; благодаря крайней живости у него не было усидчивости въ занятіяхъ. Эти условія и были основной причиной его неудачъ въ гимназіи. Постоянныя взысканія и замѣчанія, какія онъ тамъ получалъ, неудовольствія по этому поводу отца, угрозы его—все это, усилившись за послѣднее время, крайне удручало К. и онъ находилъ себѣ отдыхъ только въ пожарномъ обществѣ. А между тѣмъ и начальство гимназіи и отецъ строго запрещали ему принимать участіе въ дѣятельности этого общества; поступая такъ, они руководствовались, съ одной стороны, опасеніемъ, что, занятый другими интересами, К. совершенно заброситъ ученіе, а съ другой—имѣли въ виду и возможность дурного вліянія членовъ этого общества: людей мало образованныхъ, грубыхъ, съ плохой репутаціей. К. приходилось обманывать и школу и семью; тайкомъ по вечерамъ онъ посѣщалъ общество и тѣмъ еще болѣе увеличивалъ пропасть, которая начинала образовываться между несчастнымъ мальчикомъ и его семьей. Въ пожарномъ обществѣ онъ очень привязался къ начальнику его, бывшему брандмейстеру, котораго называлъ отцомъ. Когда этотъ господинъ потерялъ свое мѣсто, К. былъ очень огорченъ, хлопоталъ о немъ, просилъ отца оказать протекцію у городского головы, подписать векселя и т. п. Когда всѣ хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, К. открылъ негласную переплетную мастерскую, нанималъ подмастерьевъ и всѣ зарабатываемыя деньги (до сорока руб. въ мѣсяцъ) отдавалъ своему другу.

Этотъ случай самоубійства разслѣдованъ довольно обстоятельно и въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма цѣнный фактическій матеріалъ, который позволяетъ съ достаточной

определенностью высказаться о причинахъ, повлекшихъ за собою катастрофу. Прежде всего мы узнаемъ, что К. происходитъ изъ психопатической семьи. Наслѣдственность наложила, повидимому, свою руку и на мальчика; это былъ ребенокъ чрезвычайно впечатлительный, живой, съ трудомъ поддававшійся школьной дисциплинѣ, но одаренный извѣстными способностями, могущій учиться, вдобавокъ очень самолюбивый. Въ первыхъ классахъ нарушенія школьнаго порядка отмѣчаются довольно рѣдко, начиная съ четвертаго сразу и рѣзко учащаются. Здѣсь, конечно, даетъ себя чувствовать эпоха *pubertatis*. Мы знаемъ, что психическое развитіе дѣтей въ эту эпоху происходитъ крайне неравномѣрно: прежде всего у нихъ развивается воля, тогда какъ интеллектъ въ собственномъ смыслѣ этого слова значительно отстаетъ. Вотъ почему дѣти, переживающіе *pubertas*, не въ состояніи правильно пользоваться своей волей; вотъ гдѣ скрыта причина, почему школьники четвертаго и пятаго классовъ наиболѣе склонны нарушать требованія дисциплины, представляются наиболѣе трудными въ воспитательномъ отношеніи. Такая особенность развитія наблюдается у самыхъ нормальныхъ дѣтей, но гораздо рѣзче выступаетъ у дѣтей—невропатовъ. Такъ какъ К. принадлежалъ къ послѣдней категоріи, то неудивительно, что, начиная съ четвертаго класса, его кондуитный списокъ пестрѣетъ все болѣе и болѣе. Прочитывая его, однако мы убѣждаемся, что проступки мальчика и въ этомъ періодъ жизни носятъ обычный дѣтскій характеръ; самой „злостной“ выходкой можно назвать развѣ побой, нанесенные товарищу—фактъ очень и очень частый. Тѣмъ не менѣе изъ этого же кондуитнаго списка, а также изъ показаній, имѣющихся въ дѣлѣ, мы видимъ, что начальство гимназіи начинаетъ относиться къ мальчику съ постепенно возрастающей нетерпимостью, въ послѣднее время перешедшей въ ожесточеніе. Это обстоятельство по всей вѣроятности находитъ себѣ объясненіе въ склонности К. къ резонированію, на которую все чаще и чаще указываютъ отмѣтки

въ кондуктѣ. К., попадаясь въ какой-нибудь продѣлкѣ, пытался вывернуться, прибѣгалъ ко лжи, старался уловить начальство въ противорѣчіяхъ, позволяя по отношенію къ нему „неумѣстныя замѣчанія“ и дерзости. Такого рода резонированіе, стремленіе скрыть сущность дѣла подъ внѣшней формой и остаться кажущимся побѣдителемъ въ спорѣ — черта характерная для дегенеранта; она ясно указываетъ, что К. дѣйствительно не избѣгнулъ вліянія наслѣдственности. Изъ кондуктнаго списка мы видимъ также, что начальство гимназій, не зная, что предпринять съ К., въ послѣднее время стало обращаться къ содѣйствію его отца и наконецъ отправило ему извѣстный ультиматумъ. Мальчикъ, исполняя совѣтъ отца, въ гимназій прочелъ эту бумагу другимъ ученикамъ. Директоръ въ рѣзкой формѣ въ присутствіи товарищей приказалъ мальчику идти домой. Самолюбіе К. было, конечно, оскорблено такимъ отношеніемъ, тѣмъ болѣе что онъ считалъ себя совершенно не виноватымъ. Отцу снова пришлось объясняться съ директоромъ. Это объясненіе носило вѣроятно очень непріятный характеръ, если отецъ умолялъ потерпѣть и пока не исключать сына, а директоръ заявилъ, что не можетъ дать необходимой для перевода аттестаціи. Оно разумѣется, было передано мальчику и могло только усилить его тяжелое душевное состояніе. На другой день новая непріятность, также совершенно неожиданная: К. явился на празднествъ дренонасажденія не въ тѣхъ брюкахъ, какія полагались по сезону. Директоръ снова рѣзко приказалъ ему удалиться и оставаться дома до вечера. Если директоръ такъ высоко ставилъ соблюденіе формы, то первая половина приказанія еще понятна, зато вторая является по меньшей мѣрѣ странной и показываетъ только, что подъ вліяніемъ раздраженія чувство мѣры было уже совершенно утрачено. Потрясенный случившимся, возвращается К. домой и здѣсь первая его мысль, а какъ отнесется въ этому отецъ. Неизвѣстно, желаніе ли принять участіе въ школьномъ празднествѣ, или страхъ объясненія съ

отцомъ заставили мальчика сдѣлать послѣднюю попытку, но онъ надѣваетъ пальто (вѣроятно нужнаго цвѣта брюкъ у него не было) и идетъ опять къ своимъ товарищамъ. Надзиратель однако снова отсылаетъ его домой. Если бы кто-либо изъ членовъ семьи могъ оказать теперь нравственную поддержку К., успокоить его, то по всей вѣроятности при живомъ характерѣ покойнаго катастрофа была бы предупреждена. Къ сожалѣнію мальчикъ росъ въ семьѣ одинокимъ. Какъ это случилось, сказать трудно; мы знаемъ только, что семья жила не дружно. Родители потеряли весь авторитетъ въ глазахъ сына. Если мальчикъ и слушался отца, то лишь подъ вліяніемъ страха наказанія, да и то на короткое время. Въ семьѣ К. нельзя было искать опоры, оставалось одно—обратиться къ любимому пожарному обществу, которое въ тотъ день какъ разъ праздновало годовщину основанія. Къ этому обществу мальчика тянула сначала просто живость характера, позднѣе же онъ сердечно полюбилъ его начальника, котораго характеризуютъ, какъ человѣка не высокой нравственности, но который тѣмъ не менѣе успѣлъ привязать къ себѣ К. К. исполнялъ всѣ приказанія своего новаго „папы“, помогалъ ему деньгами, словомъ, представилъ несомнѣнныя доказательства, что онъ былъ мальчикъ съ любящей душой и не его вина, если объектомъ его привязанности былъ не кто-либо изъ членовъ семьи или педагогическаго персонала. 3-го апрѣля весь вечеръ мальчикъ провелъ въ подготовкѣ къ празднику, усиленно хлопоталъ, но обращалъ на себя вниманіе всѣхъ своимъ необычнымъ удрученнымъ видомъ. Поздно вечеромъ отецъ, предполагая, что сынъ въ пожарномъ обществѣ, отправился туда и увелъ его домой. По дорогѣ происходитъ тяжелая сцена. К. умолялъ отца: „не дѣлай здѣсь скандала, подожди до пятаго мая—все будетъ по другому“. Нужно замѣтить, что еще ранѣе, когда покойный убѣдился, что надъ нимъ со всѣхъ сторонъ нависли тучи, въ головѣ его сталъ выработываться какой-то планъ, созрѣвать какая-то мысль о возможности

благоприятнаго для всѣхъ исхода. Объ этомъ онъ говорилъ съ дядей еще въ мартѣ, обѣщая, что 5 мая скажетъ что-то очень важное; то же повторялъ онъ и отцу, то же говорилъ потомъ и сестрѣ за нѣсколько часовъ до самоубійства. Видимо мальчику не хотѣлось умирать; онъ боролся съ нахлынувшими на него неудачами, но событія послѣднихъ двухъ дней, тяжелья оскорбленія, полученныя имъ какъ въ гимназіи, такъ и дома окончательно лишили его всякой энергіи и, потерявъ вѣру въ лучшій исходъ, онъ рѣшается прекратить свои дни. Такимъ образомъ анализъ фактовъ приводитъ къ заключенію, что К. болѣзненно-нервный мальчикъ прибѣгнулъ къ самоубійству подъ вліяніемъ нетактичнаго обращенія съ нимъ какъ дома, такъ и въ особенности въ школѣ.

LXI. Л. Л. 18 лѣтъ, ученица VI класса гимназіи, 4 мая 1910 г., покушаясь на самоубійство, выпила іодной настойки; поправилась.

Л. происходитъ изъ интеллигентной, достаточной семьи; мать отличается крайней нервностью. Сама Л. обладаетъ слабымъ физическимъ здоровьемъ, почему не могла учиться въ городѣ, гдѣ живутъ ея родные; по характеру это—дѣвушка гордая, самолюбивая, замкнутая. Лица педагогическаго персонала отзываются о ней, какъ объ ученицѣ среднихъ способностей, недостаточно прилежной, избѣгающей серьезнаго чтенія. Совершенно иначе смотритъ на нее врачъ гимназіи. По его мнѣнію наука дается Л. съ трудомъ, такъ какъ способности ея плохи, но занимается она довольно много, ежедневно пять-шесть часовъ, не обращая вниманія на упорныя головныя боли. Въ виду того, что за послѣдніе годы по нѣкоторымъ предметамъ Л. имѣла 4 и даже 5, можно думать, что слова врача объ усидчивыхъ занятіяхъ дѣвушки болѣе соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но несмотря на такія занятія по русскому языку она получила неудовлетворительныя отмѣтки. Вѣроятно это обстоятельство вліяло на нее удручающимъ образомъ и еще на Пасхѣ, прочитывая газеты, она обращала особенное вниманіе на описанія самоубійствъ; тогда

же ею была сдѣлана попытка отравиться мышьякомъ. Возвращалась въ гимназію Л. крайне неохотно. Здѣсь дѣла ея не поправились и она была предупреждена, что получить годовую двойку по русскому языку. Весь день четвертаго мая Л. была повиду совершенно покойна и весела, отвѣчала уроки, никакихъ непріятностей не имѣла, ничѣмъ особеннымъ не обратила на себя вниманіе; придя домой, она весело бѣгала съ подругами вечеромъ по саду, а послѣ ужина вышла во дворъ и тамъ выпила три унца іодной настойки. Подававшему ей помощь врачу она сообщила, что не можетъ жить, такъ какъ неуспѣшно учится по русскому языку и боится быть недопущенной къ экзамену.

Такимъ образомъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою дѣвушку нервную, съ болѣзненными свойствами характера; не обладая большими способностями, она должна была работать много, поскольку позволяли головныя боли, и тѣмъ не менѣе успѣхи были неудовлетворительны; ея гордость и самолюбіе не могли примириться съ неудачей и она предпочла смерть, къ которой подготавливалась постепенно, вполне хладнокровно и обдуманно.

LXII. X. Г. 16 лѣтъ, ученица V класса гимназіи, 13 мая 1910 г. покушалась отравиться уксусной эссенціей; была во время остановлена.

Г., узнавъ въ гимназіи, что по малоуспѣшности оставлена на второй годъ, стала плакать, кричать, заявила, что отравится, что у нея въ карманѣ ядъ, и просила подругъ передать два письма—одно отцу, другое пріятельницѣ. Дѣйствительно, въ карманѣ платья оказалась стеклянка съ уксусной эссенціей. Такъ какъ у Г. развилось истерическое состояніе, то былъ вызванъ врачъ, а затѣмъ отецъ, который и увезъ ее домой. При объясненіи съ начальницей родители заявили, что во время не обратили должнаго вниманія на плохіе успѣхи дочери, а когда узнали, что ее оставить на второй годъ, угрожали, что совсѣмъ откажутся отъ нея.

За отсутствіемъ свѣдѣній о характерѣ Г. и объ отношеніи къ ней семьи трудно высказаться съ положительностью объ ея поступкѣ; нельзя даже сказать, насколько серьезно было ея намѣреніе покончить съ собою.

LXIII. П. Б. 12 лѣтъ, ученикъ городского училища, 16 мая 1910 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

По отзыву преподавателей Б. отличался крайне слабыми способностями, учился плохо, почему и былъ оставленъ въ классѣ на второй годъ. Извѣстіе о своей неудачѣ онъ принялъ, повидимому, спокойно, но не такъ отнеслись къ этому его родные; послѣ одной изъ ссоръ мать даже не хотѣла давать ему ѣсть; мальчикъ ушелъ изъ дому и вскорѣ былъ найденъ повѣсившимся въ сараѣ. Отецъ, очень сурово относившійся къ сыну, между прочимъ сообщилъ, что тупоуміе послѣдняго развилось вслѣдствіе какой-то болѣзни, перенесенной имъ въ первые годы жизни.

У насъ нѣтъ данныхъ для полной характеристики Б., почему и трудно съ положительностью высказаться о мотивахъ самоубійства. Повидимому однако школьная неудача повлекла за собою семейныя непріятности, которыя и вызвали катастрофу. По заявленію учителя „умственные способности Б. были такъ притуплены, что заниматься съ нимъ было крайне тяжело“. Въ два года онъ едва выучился читать, а въ первый годъ не могъ даже узнавать предметы, нарисованные на картинкахъ и въ учебникахъ. Если все это дѣйствительно такъ, то Б. былъ ребенокъ отсталый въ умственномъ отношеніи и школа, назначенная для нормальныхъ дѣтей, конечно, была не для него.

LXIV. М. М., 19 лѣтъ, ученица VII класса гимназій, 22 мая 1910 г. сдѣлала попытку отравиться нашатырнымъ спиртомъ.

М. происходит изъ невропатической семьи: отецъ—человѣкъ раздражительный, который наводитъ страхъ на всю семью; старшая сестра страдаетъ какими то судорожными припадками, сопровождающимися потерей сознанія. Сама М. съ дѣтства отличается весьма вспыльчивымъ характеромъ и крайней впечатлительностью; по свидѣтельству врача у нея замѣчаются ясныя признаки истерическаго невроза; умственныя способности ея слабы, такъ что несмотря на упорный трудъ ученье ей не давалось. Въ VII классѣ она была оставлена на второй годъ; въ текущемъ году успѣхи ея были лучше, хотя также не вполне удовлетворительны; за годъ она имѣла двойку по арифметикѣ, а на письменныхъ испытаніяхъ получила дурные баллы по алгебрѣ и геометріи. Тѣмъ не менѣе педагогическій совѣтъ принялъ во вниманіе ея трудолюбіе и счелъ возможнымъ допустить къ устнымъ экзаменамъ. На экзаменѣ по географіи она отвѣчала плохо и, предполагая, что ей поставлена двойка, выпила нашатырный спиртъ, принесенный подругой, которая страдала головной болью и всегда имѣла его при себѣ.

Основной чертой истерическаго характера является крайняя неустойчивость психическаго равновѣсія. М., и ранѣе проявлявшая черты истеріи, утомленная экзаменаціоннымъ трудомъ и волненіями, не вынесла новой неудачи, которую считала рѣшающей, схватила первый попавшійся подъ руку ядъ и выпила тутъ же среди подругъ. Очевидно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ проявленіемъ истерическаго невроза.

LXV. Д. А. 18 лѣтъ, ученикъ VI класса гимназіи, 27 мая 1910 г. выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

А. происходитъ изъ бѣдной семьи, содержалъ себя и родныхъ уроками; въ гимназіи учился хорошо, отличался примѣрнымъ поведеніемъ. Директоръ аттестуетъ его, какъ юношу честнаго, самолюбиваго, но очень вспыльчиваго. Всѣ товарищи любили его за искренность и сердечныя отношенія къ нимъ. Давая въ теченіе трехъ лѣтъ уроки въ одной семьѣ младшей дочери, А. близко сошелся и, какъ говорили, вступилъ въ связь со старшей сестрой своей ученицы. Въ послѣд-

нее время онъ увлекся и своей ученицей, отношенія къ которой носили впрочемъ чисто платоническій характеръ. Это увлеченіе было замѣчено матерью покойнаго, которая, видя, что сынъ слишкомъ много времени проводить съ дѣвушкой, боялась какъ за успѣхи его въ гимназій, такъ и за судьбу остальныхъ уроковъ, почему настойчиво уговаривала его прервать опасное знакомство. Юноша далъ слово матери, но оказался не въ силахъ его сдержать. Въ тоже время ученица А. замѣтила интимность его съ своей старшей сестрой и видимо упрекала въ неискреннемъ отношеніи. Послѣ одного изъ такихъ неприятныхъ разговоровъ А., возвратившись домой, застрѣлился.

Причиной самоубійства въ данномъ случаѣ, очевидно, является тяжелое душевное состояніе юноши, вызванное его двойнымъ романомъ.

LXVI. В. Г. 16 лѣтъ, ученикъ IV класса гимназій, 5 іюня 1910 г. отравился карболовой кислотой и вскорѣ скончался.

Г. изъ интеллигентной семьи; обладая слабыми способностями, онъ учился плохо, такъ что едва переходилъ изъ класса въ классъ. Въ четвертомъ классѣ Г. получилъ 2 годовыя двойки по русскому и латинскому языкамъ, но все же былъ допущенъ къ испытаніямъ; на экзаменѣ по нѣмецкому языку отвѣчалъ плохо. Полагая, что получилъ два и поэтому не будетъ переведенъ въ слѣдующій классъ, Г. не справлялся даже объ отмѣткѣ (на самомъ дѣлѣ ему была поставлена тройка), а на другой день у себя на квартирѣ выпилъ карболовой кислоты и скончался. Въ комнатѣ покойнаго было найдено письмо къ отцу слѣдующаго содержанія:

•Дорогой папа. Я долженъ былъ поступить такъ, иного исхода не было. Согласно твоему письму, въ которомъ ты пишешь, что съ цензомъ четырехъ классовъ нельзя жить хорошо, а только бѣдствовать, а такъ какъ мнѣ выдадутъ свидѣтельство только за три класса, то и подавно нельзя жить. Остаться на второй годъ тоже не могу, потому что ты не позволишь (зная твой характеръ), да я и самъ ни за что въ свѣтѣ не остался бы. Что же выходитъ: на второй годъ остаться, чтобы продолжать ученіе невозможно, бросить гимназію, чтобы голодать, перспектива не важная. Остается одно:

нестребить себя, какъ никому ненужный элементъ. Я такъ и сдѣлалъ. Не поминай меня лихою. Моя послѣдняя просьба, это не обижай маму, я ее страшно люблю. Исполняя мою просьбу, ты сбросишь большую тяжесть съ моего сердца и на томъ свѣтѣ. Нинѣ ты постарайся, дай ей возможность получить прекрасное образованіе, дабы жила въ довольствѣ, если не въ счастіи. Изъ такого положенія я могъ выйти слѣдующимъ образомъ: за недѣлю до экзаменовъ нужно было подать прошеніе объ увольненія и съ просьбой выдать свидѣтельство за четыре класса, тогда я могъ бы перейти въ другую гимназію, но я боялся объ этомъ сообщить тебѣ, да и кромѣ того я не ожидалъ, что мои дѣла такъ плохи. По русскому я имѣлъ три тройки за четвертую четверть, но вдругъ въ послѣдній день передъ роспускомъ я по двумъ диктовкамъ получаю двѣ двойки и за четверть выставляютъ два. Я смѣло могъ держать экзаменъ по русскому. По латыни я былъ слабъ. По нѣмецкому я отвѣтилъ, какъ мнѣ кажется, удовлетворительно. По крайней мѣрѣ грамматику я зналъ. Другимъ за такой отвѣтъ ставятъ три, а мнѣ два. Еще было кое какъ, но двойка по нѣмецкому меня сразила. Вотъ какъ обстояли мои дѣла. Не забудь мою просьбу. Я страшно люблю пѣніе, потому прошу тебя, когда меня будутъ хоронить возьми хоръ городского училища. Объ этомъ мнѣ, который покидаю, я не жалѣю. Желаю тебѣ жить долго и счастливо. Обо мнѣ не грустите, забудьте. Маму ты успокаивай, а то она будетъ очень печалиться и плакать. Еще разъ будьте счастливы и здоровы. Послѣднее прости моимъ знакомымъ».

Гимназическій врачъ сообщилъ, что покойный неоднократно обращался къ нему за совѣтомъ, жалуясь на общую слабость, легкую утомляемость, раздражительность и бессоницу; въ послѣдній годъ онъ чувствовалъ себя особенно плохо, указывая на ослабленіе памяти, апатію и частыя головныя боли. Врачъ отмѣтилъ рѣзкое малокровіе, поставилъ діагнозъ „неврастенія“ и совѣтывалъ отдыхъ на три, четыре мѣсяца и лѣченіе, но матеріальныя и семейныя условія не позволили Г. выполнить такой совѣтъ.

Показанія врача и записка, оставленная покойнымъ, съ достаточной опредѣленностью выясняютъ намъ причины самоубійства. Г. страдалъ общимъ нервнымъ расстройствомъ въ формѣ неврастеніи. Неизвѣстно, развилось ли это страданіе на почвѣ наслѣдственности (что чаще всего имѣетъ мѣсто у дѣтей) или же оно было пріобрѣтено самимъ Г. благодаря тяжелымъ условіямъ семейной жизни, но какаго бы происхожденія оно ни было, его симптомы рѣзко ухудшились въ гим-

назіи, гдѣ вслѣдствіе слабыхъ способностей мальчику пришлось слишкомъ много работать и вдобавокъ волноваться по поводу плохихъ отмѣтокъ. Усиливавшееся страданіе въ свою очередь еще болѣе понизило трудоспособность; неудовлетворительныя отмѣтки сдѣлались болѣе частымъ явленіемъ и Г. грозила перспектива остаться на второй годъ. Мальчикъ имѣлъ основаніе думать, что отецъ на это не согласится, и въ то же время твердо вѣрилъ ему, что безъ гимназическаго диплома жить сколько нибудь сносно нельзя. Обстоятельства, въ какихъ находился Г., были такимъ образомъ крайне затруднительны для всякаго въ его положеніи, а онъ, какъ и нейрастеникъ, видѣлъ ихъ въ еще болѣе мрачномъ свѣтѣ. У него невольно явилась мысль о самоубійствѣ, какъ объ единственномъ возможномъ для него выходѣ.

LXVII. С. П. 19 лѣтъ, ученица VI-го класса гимназіи, 27 августа 1910 г. съ цѣлью лишить себя жизни выпила карболовой кислоты и вскорѣ скончалась.

Покойная, дочь состоятельныхъ родителей, поступила въ гимназію прямо въ четвертый классъ; обладая, повидимому, слабыми способностями, она училась плохо, такъ что переходила изъ класса въ классъ только съ переэкзаменовками; поведенія была безукоризненнаго, но часто пропускала уроки по болѣзни. Въ послѣдніе годы какъ дома, такъ и въ классѣ у нея нерѣдко случались продолжительныя истерическія припадки, сопровождавшіеся потерей сознанія; вмѣстѣ съ этимъ окружающіе стали замѣчать у нея крайнюю мнительность и какое то возбужденное состояніе. При переходѣ въ VII классъ П. была назначена переэкзаменовка, почему она рано вернулась въ городъ съ дачи и стала усиленно заниматься. 26 августа начальница гимназіи встрѣтила ее веселою и довольною: въ этотъ день она благополучно сдала экзаменъ. Утромъ 27 августа П. съ истерическимъ крикомъ вбѣжала въ комнату начальницы, выпила принесенную съ собой карболовую кислоту и упала на полъ: ее немедленно отправили въ больницу, гдѣ она и скончалась. Передъ покушеніемъ дѣвушка

написала два письма. Въ одномъ, адресованномъ отцу, она пишетъ, что потеряла надежду на лучшую жизнь, просить не винить мать, что она отпустила ее, такъ какъ и дома она не отказалась бы отъ мысли о самоубійствѣ. Просить не винить В. (женихъ П.), заявляетъ, что умираетъ чистая, какъ голубь, и уходя въ лучший міръ, будетъ заботиться тамъ о родныхъ, будетъ заступницей за нихъ передъ Всевышнимъ. Второе письмо къ начальницѣ, судя по внѣшности, написанное непосредственно передъ смертью слѣдующаго содержанія:

Дорогая и милая С. О! Находясь въ чужомъ городѣ среди чужихъ людей Вы были для меня не начальницей, а добрый и хорошей матерью, каждое Ваше слово дѣйствовало для меня, какъ лѣкарство и давало найти въ жизни прямого человѣка. Теперь С. О., когда я считаю уже ученицей 7 класса, я рѣшила уйти отъ этого міра, хотя меня мучитъ тяжелое сомнѣніе. Не обязана ли я изъ любви къ дорогимъ родителямъ терпѣть и влачить бремя жизни, не смотря на то, что я должна отказаться отъ самой дорогой мечты? Не должна ли я посвятить эту жизнь имъ изъ чувства благодарности? Не совершаю ли я преступленіе, рѣшаясь покинуть ихъ? Не обманываю ли я ихъ довѣріе, лишая ихъ того, что дороже жизни, распоряжаясь самовольно своей судьбой? Существуетъ ли вообще право распоряжаться собой? Пустая фраза, подобная другимъ пустымъ словамъ и предрасудкамъ! Я страдаю отъ сомнѣнія, я страдаю отъ того, что возможность положить конецъ страданьямъ является сама по себѣ мучительной пыткой. Последнія силы меня покидаютъ. Я не въ состояніи больше притворяться. Имѣютъ ли родители право требовать жизнь своего ребенка, когда эта жизнь превращается въ вѣчное и неизлѣчимое страданіе? Развѣ грѣхъ, если я....

Во мнѣ нѣтъ силъ больше бороться. Я покончила со всѣми своими надеждами, желаніями. Все во мнѣ умерло, осталось лишь сознаніе полной безграничной пустоты. Безумно вѣрить въ счастье, созданное изъ обломковъ, построенное на топкомъ болотѣ. Последній конечный исходъ стоитъ передо мною ясно и опредѣленно, внутри я слышу голосъ говоривши мнѣ умри и ты избавишься отъ всей жизненной грязи. Милая С. О., мнѣ такъ не хотѣлось бы, чтобы Вы меня осуждали въ томъ, что я оставила этотъ міръ. Я не могу больше жить. Причину моей смерти я не пишу, зачѣмъ чтобы кто-нибудь смѣялся надо мной. Дорогая незабвенная начальница, одна большая просьба у меня къ Вамъ: не старайтесь, если будетъ возможность меня спасти, не допустить, ибо жизнь не имѣетъ никакого значенія. Телеграфируйте въ Т. С. Д. П. «пріѣзжайте Соня больна». Прости милая С. О., что умираю у Васъ въ домѣ. Мнѣ пріятно умерѣть тамъ, гдѣ воспитывалась 3 года. О какъ не хотѣлось бы, чтобы меня атомировали. Если у Васъ будетъ возможность постараться, чтобы мое тѣло не было разрѣзано на куски, но это моя последняя мольба къ Вамъ. Объ одномъ, что я жалѣю, это то, что я передъ смертью не увижу дорогихъ мнѣ лицъ.

Зачѣмъ больше писать? Прощайте моя милая и незабвенная С. О. Пора покончить со своей жизнью. Цѣлую Васъ безчисленное множество разъ Ваша ученица С. П. Дорогая С. О., успокойте мою мать и моего отца. Я въ полномъ сознаниі умирую. Я знаю, что нанесу тяжелый ударъ моимъ дорогимъ родителямъ, но ничего не могу собой дѣлать.....

Мнѣ кажется, что тамъ далеко, далеко отъ земли есть что-то безконечно хорошее и тамъ я буду лучше и счастливѣе.....

Разслѣдованіе не установило точно повода къ самоубійству; о немъ можно лишь догадываться. П., какъ истерическій субъектъ, сильно реагировавшая на всѣ внѣшнія впечатлѣнія, въ послѣднее время имѣла какія то непріятности, быть можетъ связаннаыя съ ея сердечнымъ увлеченіемъ. Усиленныя занятія передъ экзаменами, переэкзаменовка и волненія, соединенныя съ нею, конечно, еще болѣе расшатали психическое равновѣсіе. Повидимому уже послѣ экзамена покойная испытала, какое-то новое потрясеніе, которое, попавъ на подготовленную почву, и явилось непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству.

LXVIII. А. К. 20 лѣтъ, ученица VIII класса гимназіи, 15 октября 1910 года отравилась кокаиномъ; скончалась.

Покойная, дочь народнаго учителя, аттестуется начальствомъ гимназіи, какъ ученица способная, трудолюбивая, въ высшей степени серьезно относившаяся къ своимъ обязанностямъ. По окончаніи курса съ серебряной медалью она поступила въ VIII классъ, гдѣ продолжала работать съ прежнимъ усердіемъ. Но матеріальное положеніе ея семьи было крайне затруднительно. Отецъ разошелся съ матерью, которая уѣхала отъ него вмѣстѣ съ дѣтьми; кое-какъ перебиваясь сама, она не могла высылать денегъ дочери; хлопоты о стипендіи кончились неудачей. Въ виду этого мать предложила К. выйти изъ гимназіи и возвратиться къ ней, чтобы потомъ получить мѣсто начальной учительницы. Оставить мысль о дальнѣйшемъ образованіи однако для К. было слишкомъ тяжело и она предпочла умереть.

ЛХІХ. В. К. 18 лѣтъ, воспитанникъ учительской семинаріи, въ ночь на 26 октября 1910 г. кончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись на веревкѣ.

К. родился въ бѣдной полуинтеллигентной семьѣ; съ дѣтства онъ отличался страннымъ характеромъ, не сходился ни съ кѣмъ изъ домашнихъ, жестоко обращался съ младшимъ братомъ, не выносилъ никакихъ замѣчаній со стороны старшихъ, часто отвѣчая на нихъ угрозами лишить себя жизни. Благодаря своеволію, строптивости и узкому эгоизму онъ не уживался подолгу въ школѣ, мѣняя одну за другой. Отецъ, видя, что съ такими свойствами сыну трудно выносить жизнь въ интернатѣ, опредѣлилъ его въ учительскую семинарію. Здѣсь К. чувствовалъ себя значительно лучше, довольно усердно занимался и оказывалъ настолько хорошіе успѣхи, что въ послѣднее время ему была назначена казенная стипендія. Начальство семинаріи, относившееся къ К. вполне хорошо, отмѣчаетъ только, какъ его отличительныя особенности, быстрыя смѣны настроенія и крайнюю замкнутость, которая не оставляла его даже въ кругу товарищей. Впрочемъ иногда и на него нападали минуты относительной откровенности и тогда онъ нерѣдко говорилъ о безцѣльности жизни вообще, увѣряя, что когда-нибудь повончить счеты съ жизнью, нисколько не жалѣя ни о чемъ. По словамъ отца половину жизнь К. началъ очень рано; еще въ деревнѣ, гдѣ жили его родные, онъ вступалъ постоянно въ связи съ дѣвушками и умѣлъ скрывать ихъ такъ ловко, что онѣ обнаруживались только въ случаѣ беременности. Родители, особенно мать, рѣзко упрекали сына за дурное поведеніе, но эти упреки только раздражали его. Въ послѣдній годъ К. также вступилъ въ связи съ одной молодой особой, которая вскорѣ сдѣлалась беременной. Когда мать ея замѣтила положеніе дочери, то заявила объ этомъ директору семинаріи, желая, чтобы онъ обязалъ К. обезпечить будущаго ребенка. К. конечно зналъ объ этомъ, но ничѣмъ не обнаружилъ переживаемой имъ тревоги и только вечеромъ 26 октября его мрачный видъ невольно кинулся въ глаза квартирному хозяину. Въ такомъ настроеніи, не сказавъ никому ни одного слова, К. вышелъ изъ дому, а короткое время спустя былъ найденъ уже мертвымъ, висящимъ на деревѣ въ саду семинаріи.

Послѣ покойнаго найдено было его письмо къ родителямъ слѣдующаго содержанія:

«Дорогіе папа и мама! Давно я храню въ себѣ мысль о самоубійствѣ. Она не давала и не даетъ мнѣ покоя. Печаянно я кой-кому ее и высказывалъ въ различной формѣ, будучи въ извѣстномъ только мнѣ самому настроеніи. Такъ, я говорилъ съ близкими товарищами, но они или принимали за шутку, или же старались перевести разговоръ на другую тему. Мысль эта уже давно созрѣла, и я ждалъ только удобной минуты для осуществленія одной. Эта минута наступила.

Если Вы любите меня, то перевезите мной трупъ въ Пригаровку. И это все: больше тратить никакихъ я на себя не требую! Мнѣ очень хотѣлось побывать на послѣдокъ дней въ Пригаровкѣ и тамъ умереть, да душевное горе не пустило,

Прощайте! Прощайте! Прощайте!»

Приведенное описаніе довольно ярко рисуетъ намъ типъ дегенеративнаго характера; грубый эгоизмъ, жестокость, неуживчивость, раннее усиленное развитіе полового влеченія, крайнія колебанія въ настроеніи съ преобладаніемъ подавленнаго—всѣ эти черты мы обычно встрѣчаемъ у невропатическихъ субъектовъ. Психическое равновѣсіе у нихъ можетъ нарушаться чрезвычайно легко; иногда бываетъ достаточно незначительнаго повода, чтобы возникла мысль о самоубійствѣ, безъ особенной борьбы побѣждающая инстинктъ самосохраненія. Обстоятельства послѣднихъ дней жизни сложились для К. крайне неблагоприятно: онъ видимо дорожил семинаріей; желая уничтожить матеріальную зависимость отъ семьи, съ которой не ладилъ, онъ заручился уже стипендіей, какъ вдругъ раскрылся его романъ, который конечно могъ повлечь за собою удаленіе изъ школы, т. е. крушеніе всѣхъ его плановъ. Этого онъ не могъ вынести и самоубійство нашелъ для себя наиболѣе благоприятной развязкой.

LXX. Ф. В. 16 лѣтъ, ученикъ VII класса гимназіи, 31 октября 1910 года выстрѣломъ изъ револьвера нанесъ себѣ тяжелое пораненіе, отъ котораго 7 ноября скончался.

В. сынъ интеллигентныхъ, достаточныхъ родителей, росъ и воспитывался въ семьѣ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; обладая способностями выше среднихъ, онъ учился въ общемъ удовлетворительно, особенно въ послѣднемъ классѣ; по характеру это былъ мальчикъ живой, жизнерадостный, отличавшійся прямою и честностью. За нѣсколько мѣсяцевъ до самоубійства В. познакомился съ молодой дѣвушкой, въ которую вскорѣ страстно влюбился. Эта особа, подъ вліяніемъ флирта и чтенія современныхъ романовъ преждевременно развившая въ себѣ чувственность, не замедлила разбудить ее и въ юношѣ. Испытывая новыя ощущенія, В. началъ ревновать свою невѣсту къ окружающимъ. Отсюда рядъ недоразумѣній и ссоръ, одна изъ которыхъ и закончилась катастрофой.

Изъ изложеннаго видно, что покушеніе на самоубійство было вызвано сильнымъ душевнымъ волненіемъ, какое переживалъ В. благодаря страстной любви.

III.

Съ перваго взгляда казалось бы, что приведенные выше семьдесятъ случаевъ—число само по себѣ слишкомъ незначительное, чтобы опираясь на него, статистикъ могъ сдѣлать сколько-нибудь опредѣленные выводы. Но не слѣдуетъ забывать, что въ нашу казуистику вошли всѣ безъ исключенія случаи самоубійства и попытокъ къ нему, имѣвшіе мѣсто въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ въ одномъ обширномъ учебномъ округѣ. Нивакого выбора здѣсь не было. Вотъ почему эти случаи являются полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительнаго положенія дѣла въ извѣстной полосѣ Россіи. Но трудно, конечно, думать, что мотивы, которые заставляютъ учащихся этого округа наложить на себя руку, были совершенно иные, чѣмъ въ другихъ округахъ. Различіе между отдѣльными областями въ данномъ отношеніи можетъ состоять развѣ лишь въ преобладаніи мотивовъ одной категоріи надъ другой

въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Анализъ нашихъ случаевъ поэтому представляетъ существенный интересъ для рѣшенія поставленнаго нами общаго вопроса о причинахъ все возрастающаго увеличенія числа самоубійствъ въ Россіи у дѣтей школьнаго возраста. Къ этому анализу мы теперь и обратимся.

Въ трехъ изъ нашихъ случаевъ причины самоубійства остались совершенно неизвѣстными. Отбросивъ ихъ, мы будемъ имѣть 67 случаевъ, которые такимъ образомъ должны подлежать нашему разсмотрѣнію. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ приведеннымъ выше описаніемъ ихъ не трудно замѣтить, что особенно часто въ немъ упоминается о наслѣдственности. Въ 17 случаяхъ имѣются вполне опредѣленныя указанія, что родственники самоубійцы страдали тяжелыми нервными или душевными болѣзнями. Въ 16 случаяхъ такихъ указаній нѣтъ, тѣмъ не менѣе патологическая наслѣдственность вѣдъ всякаго сомнѣнія; въ двухъ случаяхъ она выразилась въ формѣ рѣзкой дегенераціи (V и LXIX); въ остальныхъ, какъ врожденная общая нервность (I, VII, VIII, XII, XXVI, XXIX, LIII и LVI) или какъ болѣе опредѣленный неврозъ (LXVII—истерія, XXVIII и LXVI—неврастенія) или, наконецъ, какъ душевное заболѣваніе (XLI). Итого, слѣдовательно, въ 33 случаяхъ была на лицо несомнѣнная патологическая наслѣдственность. Если добавить сюда, что хотя въ остальныхъ 34 случаяхъ и не упомянуто о наслѣдственности, но это еще далеко не значить, что ея не было во всѣхъ нихъ на самомъ дѣлѣ—она могла остаться неизвѣстной; если принять это во вниманіе, то мы будемъ имѣть наслѣдственность болѣе, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ нашихъ случаевъ самоубійства. Противорѣчитъ ли этотъ выводъ тому, что мы находимъ въ литературѣ вопроса?

Baer въ цитированной выше работѣ, говоря о школьныхъ самоубійствахъ и касаясь причинъ, которыя ихъ вызвали, приводитъ весьма интересную таблицу. Въ Пруссіи за періодъ

времени съ 1883 по 1888 г. произошло 289 самоубійствъ у дѣтей школьнаго возраста; по мотивамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

- Боязнь экзаменовъ и неудачные экзамены—17.
- Иныя причины, связанныя съ посѣщеніемъ школы—14.
- Ссора съ родителями и учителями—2.
- Болѣзненное самолюбіе—19.
- Боязнь наказанія—70.
- Суровое обращеніе—13.
- Досада, гнѣвъ, печаль—8.
- Душевная болѣзнь—26.
- Физическія страданія—3.
- Религіозная мечтательность—2.
- Несчастливая любовь—5.
- Нравственная распущенность—7.
- Пресыщеніе жизнью—6.
- Игры—7.
- Иныя причины—4.
- Неизвѣстный поводъ—86.

Въ этой таблицѣ приняты въ расчетъ уже развившіяся душевныя страданія. О наслѣдственномъ предрасположеніи прямо здѣсь не упоминается; но зато есть рубрики, которыя весьма опредѣленно указываютъ на его наличность. Болѣзненное самолюбіе, религіозная мечтательность, нравственная распущенность, пресыщеніе жизнью, какъ мотивы самоубійства, могутъ наблюдаться, конечно, только у психопатическихъ дѣтей, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ получаютъ свои патологическія свойства по наслѣдству. Въ итогѣ мы будемъ имѣть, слѣдовательно, шестьдесятъ случаевъ самоубійства, гдѣ наслѣдственность играла рѣшающую роль— процентъ, какъ видимъ, довольно значительный.

Профессоръ *Eulenburg*,⁶⁾ рассматривая 1152 случая школьных самоубійствъ, происшедшихъ въ періодъ времени съ 1880 по 1903 г., въ 336 случаяхъ нашель, какъ причину, страхъ наказанія, въ 70—душевное заболѣваніе, въ 18—любовь, въ 51—патологическую наслѣдственность, въ 69—понуженіе со стороны родителей получить высшее образованіе, въ которму дѣти не были способны. Во многихъ случаяхъ видную роль играли незначительныя причины: досада, отказъ товарищей отъ совмѣстныхъ игръ. 68 учениковъ были очень даровиты, но слабость характера, злоупотребленіе алкоголемъ и нравственные дефекты довели до самоубійства. Незначительная часть пришла къ роковому исходу благодаря дурному выбору книгъ для чтенія (сочиненія Зола, Ницше, Шопенгауэра). *Eulenburg* нашель наслѣдственность только въ 51 случаѣ. Если сюда присоединить всѣ 70 случаевъ душевнаго заболѣванія, то мы будемъ имѣть 121 случай самоубійства, гдѣ наслѣдственныя вліянія констатировались съ несомнѣнной положительностью. Но просматривая таблицу *Eulenburg'a*, не трудно убѣдиться, что эти вліянія, быть можетъ только слабѣе выраженныя, должны давать о себѣ знать и въ другихъ рубрикахъ. Такъ, неспособность дѣтей въ ученію очень нерѣдко является однимъ изъ симптомовъ дегенерациі. Незначительные поводы вродѣ досады могутъ вести къ самоубійству только субъектовъ съ неустойчивой психо-нервной организаціей, каковая у дѣтей чаще всего получается по наслѣдству. Наслѣдственность мы можемъ также искать между тѣми 68 лицами, которыя отличались слабостью характера и нравственными дефектами. Отсюда ясно, что цифру 121 необходимо значительно увеличить.

Проф. *Хлопинз* (ор. cit.) 432 случая самоубійства и покушенія на него распредѣляетъ по вызвавшимъ ихъ мотивамъ слѣдующимъ образомъ:

---

⁶⁾ *W. Spart. Der Selbstmord. 1909.*

Нервные и душевные болѣзни—27,4%。
Невыясненные причины—22,3%。
Школьные причины—18,9%。
Семейные причины—12,1%。
Несчастливая любовь 8,8%。
Школьно-семейные причины—5,5%。
Разныя причины—2,9%。
Тѣлесныя болѣзни—2,2%。

Для правильнаго пониманія этой таблицы слѣдуетъ помнить, что проф. Хлопинъ имѣлъ дѣло съ крайне мало разработаннымъ матеріаломъ, какимъ до недавняго времени являлись только оффиціальныя донесенія начальниковъ учебныхъ заведеній. Лучшее доказательство этому—высокій процентъ невыясненныхъ причинъ, почти четвертая часть всѣхъ случаевъ.

Душевные и нервные заболѣванія дѣтей, развиваясь въ громадномъ большинствѣ случаевъ на наслѣдственной почвѣ, служатъ, конечно, рѣзкимъ выраженіемъ послѣдней. Но эта почва можетъ достигать и меньшей степени развитія, проявляясь тогда рядомъ психическихъ особенностей, которыя по своему характеру весьма благопріятствуютъ, какъ возникновенію мысли о самоубійствѣ, какъ и приведенію ея въ исполненіе: болѣзненная впечатлительность, крайняя неустойчивость психическаго равновѣсія, отсталость въ умственномъ развитіи, нравственные дефекты—всѣ эти и подобныя имъ черты могутъ играть очень видную роль, какъ основные мотивы самоубійства, при наличности которыхъ достаточно незначительнаго вѣшняго повода, чтобы оно совершилось. Трудно сомнѣваться, что среди случаевъ, которые проф. Хлопинъ объясняетъ мотивами чисто школьными или семейными, а тѣмъ болѣе среди случаевъ невыясненныхъ известная часть должна быть поставлена въ тѣсную связь съ наслѣдственностью. Какъ велика такая доля—сказать, конечно, нельзя, но во всякомъ

случаѣ процентъ, приводимый проф. Хлопичимъ, слѣдуетъ значительно повысить.

Изъ всего сказаннаго выше видно, что различные авторы, интересовавшіеся причинами дѣтскихъ самоубійствъ, единогласно указываютъ на важное значеніе наслѣдственности. *Васв* даже категорически заявляетъ: „большая часть самоубійствъ въ дѣтскомъ возрастѣ совершается психически-больными дѣтьми или по крайней мѣрѣ такими, которыя расположены къ психическимъ заболѣваніямъ“. Да иного трудно было ожидать уже а priori. У вполне нормальныхъ дѣтей инстинктъ самосохраненія слишкомъ силенъ, а переживаемыя дѣтьми невзгоды слишкомъ незначительны, чтобы онъ могъ быть затушенъ.

Кромѣ наслѣдственности среди мотивовъ самоубійства въ нашей казуистикѣ наиболѣе часто упоминается о вліяніи школы, именно въ 32 случаяхъ.

Школа приводитъ дѣтей къ рѣшимости покончить съ собой весьма различнымъ образомъ. Въ трехъ случаяхъ (XXII, XXXIX, LX) непосредственнымъ толчкомъ явились столкновения съ администраціей школы. Во всѣхъ нихъ дѣло идетъ о психопатическихъ субъектахъ, которые въ силу своихъ болѣзненныхъ свойствъ стали во враждебныя отношенія къ педагогическому персоналу. Эти свойства между тѣмъ не были поняты надлежащимъ образомъ; въ дѣтямъ относились, какъ къ субъектамъ испорченнымъ, капризнымъ, въ одномъ случаѣ (LX) даже съ очевиднымъ озлобленіемъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ достаточно было сравнительно незначительнаго повода, чтобы разыгралась катастрофа.

Гораздо чаще однако поводомъ къ самоубійству являются неудовлетворительные успѣхи въ занятіяхъ. Плохія отмѣтки въ году, неудачи на экзаменахъ, оставленія на второй годъ отмѣчаются въ 29 случаяхъ, какъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ (а иногда и единственный), заставившій дѣтей стремиться

къ смерти. Вотъ почему на этой сторонѣ вопроса мы позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе.

Всѣмъ извѣстна грустная истина, что въ нашей школѣ мало педагоговъ, хотя и много учителей. Благодаря ненормальнымъ условіямъ, въ которыя поставлена преподавательская коллегія, въ нее поступаютъ очень часто люди безъ всякаго призванія къ избранной ими спеціальности, просто въ силу горькой необходимости. Нѣтъ ничего удивительнаго, что тавія лица, сами не интересуясь наукой, не въ состояніи заинтересовать ею и своихъ учениковъ. Отсюда плохіе успѣхи послѣднихъ, отсюда необходимость въ особыхъ педагогическихъ приемахъ, которые могли бы поднять ихъ успѣшность. И самымъ излюбленнымъ изъ этихъ приемовъ является система плохихъ отмѣтокъ, достигшая столь пышнаго расцвѣта въ нашей современной школѣ. Дурной отмѣткѣ педагоги приписываютъ двойное значеніе: съ одной стороны, она можетъ дѣйствовать на самолюбіе ученика, съ другой—является мѣрой наказанія. Что касается перваго, то какъ показываетъ дѣйствительность, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ плохая отмѣтка задѣваетъ самолюбіе ребенка, стимулируетъ его въ дальнѣйшей работѣ. На этомъ основаніи мы не часто встрѣчаемъ самоубійства, вызванныя оскорбленнымъ самолюбіемъ, обидой за несправедливо поставленную двойку. Если въ нашей казуистикѣ и находятся случаи такого рода (XL, XLVIII и LXI), то не слѣдуетъ забывать, что это случаи весьма не ясные и что въ нихъ имѣются вѣскія данныя заподозрить патологическія свойства ума и характера дѣтей.

Та же дѣйствительность учить, что взглядъ на дурныя отмѣтки, какъ на мѣру наказанія, не менѣе ошибоченъ. Дѣти очень быстро свыкаются съ ними и переносятъ стоически, безопасно забывая, къ какимъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшемъ могутъ вести всѣ эти единицы и двойки. Но совершенно иное отношеніе обыкновенно встрѣчаетъ дурная отмѣтка въ семьѣ ребенка; она зачастую вызываетъ здѣсь паническій ужасъ;

около нея вращаются всѣ интересы; члены семьи сердятся на ребенка, насмѣхаются надъ нимъ, дразнятъ его, чтобы заставить напречъ всѣ умственные силы, не обращая иногда вниманія, хватаетъ ли этихъ силъ для полученія желательнаго образованія. Многіе родители глубоко убѣждены, что ихъ дѣти въ состояніи прожить сколько-нибудь сносно только при томъ условіи, если они пройдутъ среднюю и высшую школу. Умственные способности, индивидуальныя особенности при этомъ рѣзко игнорируются; не обращается должнаго вниманія даже на физическое здоровье. Дѣтямъ всѣми силами стараются внушить такое же убѣжденіе и иногда вполне удачно. Вспомните трогательно наивныя слова ребенка—самоубійцы (LXVI), который писалъ передъ смертію своему отцу: „ты мнѣ говорилъ, что и со свидѣтельствомъ за четыре класса жить очень плохо, а меня не перевели въ четвертый; значить жить и совсѣмъ нельзя; лучше умереть теперь“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда одни убѣжденія оказываются недостаточными, родные часто прибѣгаютъ къ различнаго рода наказаніямъ до побоевъ и даже угрозъ убить включительно. При этихъ условіяхъ понятно, почему въ нашей казуистикѣ такъ часто упоминается страхъ наказанія за плохія отмѣтки; въ десяти случаяхъ (X, XI, XXIX, XXVII, XXXVI, XXXVII, XXXVIII, LIV, LVI, XLIII) этотъ страхъ фигурируетъ на первомъ мѣстѣ, во многихъ другихъ онъ ясно читается между строками.

Особенно важную роль въ жизни школьника играютъ отмѣтки, полученныя на экзаменахъ: съ ними связываются крупныя непріятности въ семьѣ, потеря цѣлаго года, а иногда и лишеніе дальнѣйшаго образованія. Экзаменаціонная неудача, нерѣдко неожиданная или не вполне заслуженная, сопровождается сильнымъ душевнымъ волненіемъ, производитъ тяжелый шокъ на нервную систему, который можетъ разрешиться самоубійствомъ. Подобные факты станутъ намъ болѣе понят-

ными, если мы припомнимъ, какое громадное вліяніе оказываютъ экзамены на весь организмъ учащагося.

Игнатъевъ ⁷⁾ нашель, что семьдесятъ девять процентовъ всѣхъ учениковъ во время экзаменовъ теряютъ въ вѣсѣ и что въ среднемъ эта потеря у каждаго 1516 grm. Онъ приходитъ поэтому къ заключенію, что при данныхъ условіяхъ экзамены по ихъ вліянію на юношескій организмъ можно сравнивать съ тяжелой болѣзью, которая имѣетъ своимъ послѣдствіемъ значительное нарушеніе питанія, при чемъ, конечно, не остается пощаженнымъ органъ, съ наибольшимъ напряженіемъ работающій въ экзаменаціонный періодъ—головной мозгъ.

Докторъ *Козинцевъ* ⁸⁾, опираясь на обширный матерьялъ, также нашель, что три четверти всѣхъ дѣтей во время экзаменовъ теряютъ въ вѣсѣ и что особенно большихъ размѣровъ эта потеря достигаетъ у учащихся старшихъ классовъ. Оба наблюдателя единогласно указываютъ на сильное нервное возбужденіе, въ какое дѣти часто приходятъ вслѣдствіе экзаменовъ; это возбужденіе лишаетъ ихъ сна и аппетита и выражается то въ формѣ страха, то общаго безпокойства, то болѣзненно подавленнаго или повышеннаго настроенія и чрезвычайно опасно для здоровья учащихся.

Таковы результаты, къ которымъ пришли русскіе авторы. Но подобную же картину рисуетъ намъ *dr. Andreae* ⁹⁾: впечатлительныя дѣти страдаютъ отъ общаго безпокойства, которое дѣлаетъ ихъ глубоко несчастными; болѣзненно расходившаяся фантазія въ каждой нерѣшенной задачѣ видитъ призракъ наступающаго экзамена; пессимистически настроенный ребенокъ рисуетъ свое будущее самыми черными красками.

---

⁷⁾ Der Einfluss des Examina auf das Körpergewicht. Zeitschrift f. Schulschulgesundheitspflege. 1898.

⁸⁾ Ibid. 1899. S. 205.

⁹⁾ Zeitschrift f. Schulgesundheitspflege. 1899. S. 416.

Наши случаи довольно ясно подтверждают только что приведенную характеристику влияния экзаменовъ. Въ семи случаяхъ (II, V, XXIX, XXX, LXIV, LXVII, LXVI) разслѣдованіе установило, что неудача на экзаменѣ явилась непосредственнымъ поводомъ къ самоубійству; въ пяти случаяхъ (I, III, XXIV, XLIV, LXII) эту роль играло оставленіе на второй годъ.

Однимъ изъ частныхъ мотивовъ, заставляющихъ дѣтей прибѣгнуть къ самоубійству, являются также неблагоприятныя условія семейной жизни.;

Изъ нашихъ случаевъ эти условія упоминаются въ 21 и по своему характеру представляютъ значительное разнообразіе. Иногда семейная обстановка тяжело влияетъ на дѣтей своей моральной стороною: при разладѣ между родителями безпризорныя дѣти, являясь свидѣтелями непріятныхъ сценъ, чувствуютъ себя глубоко одинокими; авторитетъ отца и матери въ ихъ глазахъ быстро падаетъ; нерѣдко безъ достаточнаго непосредственнаго повода развивается крайне удрученное настроеніе. Въ еще болѣе тяжеломъ положеніи могутъ оказаться учащіеся, которые происходятъ изъ бѣдной, мало культурной семьи. По мѣрѣ ихъ развитія между ними и семьей развертывается болѣе и болѣе глубокая пропасть; грубое обращеніе, рѣзкости со стороны родныхъ причиняютъ имъ невыносимыя страданія; настроеніе становится крайне подавленнымъ и на этой почвѣ достаточно какого-нибудь подчасъ незначительнаго повода, чтобы явилась мысль о самоубійствѣ. Типичными примѣрами такого рода являются случаи XLIV и LVII.

Въ случаяхъ второй категоріи мы имѣемъ дѣло съ жестокимъ обращеніемъ, съ побоями, какимъ дѣти подвергались въ семьѣ. (Подобное обращеніе, конечно, характеризуетъ одновременно и нравственную атмосферу, въ какой жили самоубійцы). Таковы случаи X и XXXIV. Въ пяти случаяхъ непосредственнымъ поводомъ къ лишенію жизни были повиди-

тому ссоры съ старшими членами семьи, большею частью съ тѣми, въ матеріальной зависимости отъ которыхъ дѣти находились.

Матеріальныя лишенія, страхъ за необезпеченное будущее, невозможность по бѣдности получить дальнѣйшее образованіе въ шести случаяхъ упоминаются на ряду съ другими мотивами самоубійства; въ случаяхъ VI и LV эти мотивы являются основными.

Любовь и связанная съ нею душевныя волненія занимаютъ видное мѣсто среди поводовъ къ самоубійству въ шести случаяхъ, а въ двухъ (LXV и LXX) это даже единственные, которые установило разслѣдованіе.

Въ трехъ случаяхъ наряду съ другими мотивами играли также большую роль физическія заболѣванія. Душевная болѣзнь въ двухъ случаяхъ явилась единственной причиной самоубійства.

Но кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше мы должны остановитъ особое вниманіе еще на двухъ факторахъ, оказавшихъ несомнѣнное вліяніе на увеличеніе числа школьныхъ самоубійствъ за послѣднее время.

Эти факторы—современная литература и подражаніе.

Основные черты современной литературы, по крайней мѣрѣ въ трудахъ ея наиболѣе популярныхъ представителей,—глубоко отрицательное отношеніе къ окружающему и крайній пессимизмъ. Нервные впечатлительныя дѣти, еще лишенныя возможности правильно повяты и спокойно отнестись къ прочитанному, знакомясь съ произведеніями новѣйшихъ авторовъ, быстро и всецѣло подпадаютъ вліянію послѣднихъ; настроеніе ихъ становится болѣе и болѣе удрученнымъ и на этомъ фонѣ какая-нибудь незначительная случайность легко пріобрѣтаетъ яркую окраску, получаетъ рѣшающее значеніе. Фактическій матеріаль, которымъ мы располагаемъ, далеко не отличается желательной полнотой и тѣмъ не менѣе въ шести случаяхъ (XIV, XV, XXV, XXXII, XXXIII и XLIII)

вліяніє літератури устанавлюється категорически; въ рядѣ другихъ (напр. XLI и XLIV) оно свозить довольно ясно, хотя прямо о немъ и не упоминается ни слова. Но современная пресса оказываетъ неблагопріятное вліяніє на дѣтей еще другой стороной.

Въ ежедневной печати мы теперь часто встрѣчаемъ подробныя описанія школьныхъ самоубійствъ. Газетные репортеры, руководимые быть можетъ самыми лучшими побужденіями, не упуская изъ виду и мельчайшихъ деталей, даютъ читателю обстоятельную характеристику условій, при каковыхъ произошло самоубійство, останавливаются на возможныхъ мотивахъ его, описываютъ картину похоронъ, приводятъ рѣчи, говорятъ о цвѣтахъ, усыпавшихъ гробъ, объ общемъ сочувствіи, слезахъ. Школьные самоубійства близео затрагиваютъ интересы каждаго; на описаніи ихъ съ большимъ интересомъ останавливаются взрослые, ихъ жадно прочитываютъ и дѣти. Передъ глазами учащихся развертывается соблазнительная перспектива разомъ избавиться отъ единицъ, двоекъ и другихъ огорченій, сдѣлаться хоть на время героемъ, предметомъ всеобщаго вниманія и почета. „Мой гробъ понесутъ гимназисты, а крышку гроба гимназистки“ мечтаетъ несчастная дѣвочка, задумавъ лишить себя жизни (случай XLV). Гимназистка, недовольная собой и своими отмѣтками, усердно отыскиваетъ въ газетахъ описаніе самоубійствъ, видимо или желая познакомиться съ ихъ способомъ, или, что вѣрнѣе, стараясь чужимъ примѣромъ подкрѣпить свою нерѣшительность (случай XLI).

Но здѣсь намъ пришлось коснуться второго фактора— вліянія примѣра. Этотъ примѣръ, конечно, сильнѣе дѣйствуетъ, если совершается на глазахъ, или если дѣти лично знали самоубійцу и были знакомы со всеми условіями и подробностями событія. С. Д. (случ. VII) выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни; В. К. (случай VIII), его товарищъ по гимназіи, черезъ недѣлю сдѣлалъ также попытку застрѣ-

литься. А. Д. (случай XIV) неоднократно пытался выпить ядъ. Его товарищъ, слѣдившій за нимъ все время съ цѣлью предупредить эти попытки, черезъ пять дней лишилъ себя жизни (случай XV). Въ пяти случаяхъ самоубійству учащагося предшествовало самоубійство одного изъ членовъ его семьи (III, XII, XXV, XXXIII, XLV). Всѣ эти и подобные имъ факты живо свидѣтельствуютъ, какою роль играетъ тутъ подражаніе. Они даютъ право говорить объ извѣстной заразительности самоубійства, о наклонности его при благоприятныхъ условіяхъ принимать эпидемическій характеръ. „Si l'imitation est, comme on l'a dit, une source originale et particulièrement féconde de phénomènes sociaux, c'est surtout à propos du suicide qu'elle doit témoigner de son pouvoir, puisque il n'est pas de fait sur lequel elle ait plus d'empire“, говоритъ *Emilé Durkheim* въ своемъ произведеніи, посвященномъ вопросу о самоубійствѣ (Le suicide 1897). Такое утвержденіе особенно справедливо, когда рѣчь идетъ о дѣтяхъ, субъектахъ легко поддающихся чужому вліянію въ силу недостаточнаго еще развитія интеллекта, съ одной стороны, неокрѣпшей силы воли—съ другой.

Мы не будемъ останавливаться на анализѣ остальныхъ мотивовъ самоубійства, упоминаемыхъ въ предшествовавшемъ изложеніи—они носятъ слишкомъ единичный характеръ—и заканчивая свое изслѣдованіе, попытаемся въ короткихъ строкахъ формулировать основные выводы, къ которымъ оно насъ привело.

Наслѣдственная нервность, неблагоприятныя условія школьной обстановки и семейной жизни—вотъ главнѣйшіе факторы, вызывающіе школьныя самоубійства и дѣйствующіе чаще всего совмѣстно; остальные изъ перечисленныхъ выше отступаютъ передъ ними далеко на задній планъ. Но было бы грубой ошибкой думать, что разслѣдованіе, произведенное въ каждомъ изъ нашихъ случаевъ, точно установило всѣ мотивы безъ исключенія. Если чаще всего упоминалось о семьѣ и о школѣ,

то быть может только потому, что их дѣйствіе легче подмѣтить. Мы должны имѣть въ виду по крайней мѣрѣ еще одинъ важный факторъ—вліяніе общественной жизни. Въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ факторъ даже довольно ясно замѣтенъ, но въ весьма немногихъ; въ другихъ ояъ только чувствуется, хотя его и трудно констатировать. Да иного трудно было бы и ждать. Вѣдь учащіеся составляютъ часть общества; они живутъ не только въ семьѣ и школѣ, но читаютъ, слышать, видятъ и дѣлаютъ соответственно своимъ силамъ извѣстные выводы изъ получаемыхъ ими впечатлѣній. Тѣ или другія явленія общественной жизни, то или другое настроеніе общества живо отражаются на нихъ, иногда рѣзче, чѣмъ на взрослыхъ. Статистика учитъ, что въ послѣдніе годы процентъ взрослыхъ самоубійцъ повышается съ поразительной быстротой. Существуютъ, слѣдовательно, условія, благоприятствующія такому печальному явленію. Эти условія неминуемо должны въ большей или меньшей степени оказывать свое вліяніе и на учащихся. И здѣсь то повидимому мы должны главнымъ образомъ искать объясненія тому факту, что самоубійства въ современной школѣ приняли столь грозный, временами прямо эпидемическій характеръ.

9728

